

АЙЗЕК АЗИМОВ

АКАДЕМИЯ
И ЗЕМЛЯ

Галактическая история

Айзек Азимов

Академия и Земля

«ЭКСМО»

1986

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

Азимов А.

Академия и Земля / А. Азимов — «Эксмо»,
1986 — (Галактическая история)

ISBN 978-5-04-170604-3

Финалист премии «Сталкер» за лучший роман. Премия «Хьюго» за лучшую серию всех времен. Ученый Гэри Селдон, основатель новой науки - психоистории, в своих работах доказал неизбежность краха Галактической империи, объединявшей миллионы обитаемых миров. Чтобы не допустить падения цивилизации в пучину надвигающегося хаоса, Селдон разработал детальный план восстановления Империи. Для его осуществления он основал в разных концах Галактики две Академии, объединившие лучшие умы человечества. Казалось, ничто не могло помешать осуществлению великого Плана Селдона, но людские амбиции привели к конфликту между Академиями, и человечество вновь оказалось на краю пропасти... Финальная книга цикла «Академия» великого Айзека Азимова. «Это научная фантастика крупного масштаба, один из классических образчиков жанра». — Брукс Пек «Одно из самых ошеломляющих достижений в современной НФ». — The Times

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-170604-3

© Азимов А., 1986
© Эксмо, 1986

Содержание

История «академии»	6
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Часть II	32
Глава 3	32
Глава 4	46
Глава 5	56
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Айзек Азимов

Академия и Земля

*Памяти Джуди-Линн дель Рей
(1943–1986) – гиганта мысли и духа*

© Н. Сосновская, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

История «академии»

1 августа 1941 года, когда мне исполнился двадцать один год, я заканчивал химфак Колумбийского университета и уже три года профессионально писал научную фантастику. Я торопился встретиться с Джоном Кэмпбеллом, редактором *Astounding*, которому к тому времени уже продал пять рассказов. Я спешил поведать ему о новой идее, которая у меня появилась.

Она состояла в том, чтобы написать историю будущего; рассказать о падении Галактической Империи. Мой энтузиазм, должно быть, оказался настолько захватывающим, что Кэмпбелл пришел в такое же возбуждение, как и я. Он уже не соглашался, чтобы я написал только один рассказ. Он хотел заполучить целую серию, в которой прослеживалась бы вся тысячелетняя история беспорядков в промежутке между падением Первой Галактической Империи и подъемом Второй. Все это должно было быть освещено с позиций науки «психоистория», которую мы с Кэмпбеллом совместно и придумали.

Первый рассказ появился в майском 1942 г., а второй – в июньском выпуске *Astounding*. Они сразу же стали популярными, и Кэмпбелл объявил, что до конца десятилетия я должен написать еще шесть рассказов. Эти рассказы, впрочем, становились все длиннее. В первом было только двадцать тысяч слов. Два из последних трех были уже длиной по пятьдесят тысяч слов каждый.

К тому времени десятилетие кончилось, я все больше уставал от этой серии, вскоре забросил ее и перешел к другим вещам. Однако как раз тогда разные издательства начали выпускать научно-фантастические произведения в твердых обложках. Одним из таких издательств была небольшая фирма *Gnome Press*, которая опубликовала мою серию «Академия» в трех томах: «Академия» (1951); «Академия и Империя» (1952) и «Вторая Академия» (1953). Они получили известность как «Трилогия об Академии».

Книги расходились с большим трудом, поскольку у *Gnome Press* не было денег, чтобы рекламировать и продвигать их на рынке. Я же не получил ни сообщения об их выпуске, ни гонорара.

В начале 1961 года мой тогдашний редактор в *Doubleday*, Тимоти Селдес, оповестил меня, что получил прошение от иностранного издателя позволить ему переиздать книги об Академии. Поскольку права на них не принадлежали *Doubleday*, он передал эту просьбу мне. Я пожал плечами:

– Это не интересно, Тим. Ведь никто даже не подумал выплатить гонорар за эти книги.

Селдес ужаснулся и тотчас же вступил в переговоры с *Gnome Press* (которая была к тому времени уже умирающей фирмой) о приобретении прав на издание моих сочинений, и в августе того же года книги (вместе с «Я, робот») стали собственностью *Doubleday*. *Doubleday* издала трилогию под одной обложкой и распространяла через клубы любителей фантастики.

Начиная с этого момента, популярность серии «Академия» пошла вверх, и на мой счет стали поступать солидные гонорары.

В 1966-м, на Всемирной Конвенции, проходившей в Кливленде, фэны голосовали по категории «Лучшая Серия Всех Времен». Тогда, первый и последний раз, эта категория была включена в номинационные списки премии Хьюго. И «Трилогия об Академии» была ее удостоена.

Фэны все настойчивее просили меня продолжить серию. Я вежливо отказывался. Но все же меня очаровывало то, что люди, еще не родившиеся на свет, когда эта серия начиналась, впоследствии увлеклись ею.

Doubleday, однако, восприняла все требования гораздо серьезней, чем я. Они повторствовали мне двадцать лет, но, поскольку требования становились все настойчивей и многочис-

ленией, их терпение лопнуло. В 1981-м они сказали, что я просто обязан написать еще одну повесть об Академии, и, чтобы подсластить пилюлю, предложили мне договор с авансом, в десять раз превышающим обычный.

Я согласился нехотя. Ведь прошло тридцать два года с тех пор, как я написал последний рассказ об Академии, а теперь меня попросили сочинить что-нибудь длиной на 140 000 слов, в два раза объемнее любого из более ранних томов и почти в три раза – отдельных рассказов этой серии. Я перечитал трилогию и погрузился в работу. «Край Академии» был издан в октябре 1982-го, а затем случилась очень странная вещь: книга сразу же появилась в списке бестселлеров нью-йоркской Times. Она оставалась там двадцать пять недель, к моему полнейшему изумлению.

Doubleday тотчас же заказала мне дополнительные вещи, и я написал две, ставшие частью другой серии – The Robot Novel's. А затем пришло время вновь вернуться к «Академии».

Итак, я написал «Академия и Земля», которая начинается в тот самый момент, когда кончается «Край Академии». Вы можете освежить свою память, заглянув в нее, но это не обязательно. «Академия и Земля» – самостоятельное произведение. Надеюсь, оно вам понравится.

АЙЗЕК АЗИМОВ. Нью-Йорк-сити, 1986

Часть I Гея

Глава 1 Поиск начинается

1

«Почему я сделал это?» – думал Голан Тревайз.

Вопрос был не нов. Со времени своего появления на Гее он часто спрашивал себя об этом. Он мог проснуться среди ночи от того, что в висках бился крохотным молоточком неотвязный вопрос: «Почему я сделал это? Почему я сделал это?»

Сейчас, впрочем впервые, он ухитрился спросить об этом Дома, Старейшину Геи. Дому было прекрасно известно о мучениях Тревайза, поскольку ткань сознания Советника была перед ним как на ладони. Но Дом ничего не предпринимал. Гея никоим образом не должна была даже касаться сознания Тревайза, и для Дома лучшим способом не поддаться соблазну было игнорировать то, что он ощущал.

– Сделал что, Трев? – спросил Дом. Ему было трудно называть Тревайза полным именем, впрочем, тот уже успел привыкнуть к манере геянцев.

– Принял решение, выбрав Гею в качестве будущего.

– Ты оказался прав, сделав это, – сказал Дом садясь. Его старые, мудрые, глубоко посаженные глаза глядели исподлобья на стоявшего перед ним гражданина Академии.

– Это ты говоришь, что я прав, – проговорил Тревайз нетерпеливо.

– Я/мы/Гея знаем, что это так. В этом твоя ценность для нас. Ты обладаешь способностью принимать правильные решения, не имея на то полных сведений. Ты выбрал Гею! Ты отверг анархию Галактической Империи, построенной на технологии Первой Академии, и анархию Галактической Империи, построенной на ментальности Второй Академии. Ты решил, что ни та, ни другая не смогут долго просуществовать. Поэтому ты выбрал Гею.

– Да, – сказал Тревайз. – Верно! Я выбрал Гею, сверхорганизм, целую планету со всеобщим сознанием и личностью, где любой вынужден говорить «я/мы/Гея», изобретая местоимение для невыразимого. – Он беспрестанно ходил взад-вперед. – И в конце концов, она когда-нибудь сможет стать Галаксией, сверхсверхорганизмом, охватывающим все скопления Млечного Пути.

Он остановился и резко повернулся к Дому.

– Я так же, как и вы, чувствую, что я прав, но вы хотите появления Галаксии и поэтому удовлетворены решением. Что-то во мне, однако, не желает этого, и по этой причине я не могу так легко принять свою правоту. Я хочу знать, почему я принял это решение. Я хочу убедиться, что я прав, и успокоиться. Мне мало чувствовать, что я прав. Как я могу узнать, что я прав? Что, какое мое свойство делает меня правым?

– Я/мы/Гея не знаем, каким образом ты приходишь к правильному решению. Но разве это так важно теперь, когда решение принято?

– Ты говоришь за всю планету, не правда ли? За общее сознание каждой капли росы, каждого камешка, даже жидкого ядра?

– Да, и это же может сказать любая часть планеты, в которой достаточно велика доля всеобщего сознания.

– И все это всеобщее сознание удовлетворено, используя меня как черный ящик? Черный ящик работает, а что внутри – неважно? Это мне не подходит. Я не желаю быть черным ящиком. Я хочу знать, что внутри. Я желаю знать, как и почему я выбрал Гею и Галаксию в качестве будущего, чтобы я мог быть спокойным.

– Но почему ты так сомневаешься в своем решении, почему оно так гложет тебя?

Тревайз глубоко вздохнул и медленно, глубоким и сильным голосом проговорил:

– Потому, что я не желаю быть частью сверхорганизма. Я не желаю быть никчемной частичкой, которую можно в любой момент уничтожить, если сверхорганизм сочтет это благом для целого.

Дом задумчиво посмотрел на Тревайза:

– Может быть, ты хочешь изменить свое решение, Трев? Это возможно, ты это знаешь.

– Я хотел бы изменить решение, но я не могу сделать этого только потому, что оно меня беспокоит. Чтобы изменить его, я должен знать, верно ли прежнее решение. Мало просто чувствовать, что оно правильное.

– Если ты чувствуешь, что ты прав, значит, ты прав.

Опять этот тихий, ровный голос, который так не вязался с состоянием Тревайза и так злил его.

Тогда полушепотом, пытаясь вырваться из неразрешимых колебаний между чувствами и знанием, Тревайз сказал:

– Я должен найти Землю.

– Потому что это как-то связано с твоей страстной потребностью знать?

– Потому что это другая проблема, над которой я ломаю голову и *чувствую*, что между ними есть связь. Разве я не черный ящик? Я *чувствую*, что связь есть. Неужели этого недостаточно для того, чтобы заставить вас принять это как факт?

– Возможно, – довольно равнодушно ответил Дом.

– Вот уже тысячи лет, наверное, двадцать тысячелетий люди Галактики думают о себе как о выходцах с Земли. Как это стало возможным, что все забыли планету, откуда мы родом?

– Двадцать тысяч лет – время гораздо большее, чем ты себе представляешь. Мы многоного не знаем о ранней истории Империи. В основном – легенды, которые почти наверняка вымылены, но мы повторяем их и даже верим в них из-за отсутствия чего-либо более надежного. А Земля древнее, чем Империя.

– Но наверняка существуют какие-нибудь записи. Мой друг Пелорат собирает мифы и легенды о раннем периоде Земли, все, что можно наскрест из любых источников. Это его профессия и, что более важно, хобби. Но только и есть мифы да легенды. Нет достоверных записей, нет документов.

– Документов сроком в двадцать тысяч лет? Вещи разрушаются, гибнут из-за небрежности или во время войн.

– Но должны быть записи записей, копии, копии копий, копии копий копий, материалы, которые много моложе двадцати тысячелетий. Они изъяты. Галактическая Библиотека на Тренторе должна была иметь документы о Земле. На эти документы ссылаются в известных исторических записях, но документов этих в Галактической Библиотеке нет. Ссылки есть, выдержки отсутствуют.

– Не забывай, Трентор был разграблен несколько столетий назад.

– Библиотека осталась нетронутой. Она охранялась adeptами Второй Академии. И именно эти люди недавно обнаружили, что материалов о Земле больше нет. Они были намеренно изъяты, и притом – совсем недавно. Почему? – Тревайз прекратил расхаживать и пристально посмотрел на Дома. – Если я найду Землю, я смогу обнаружить, что скрывают…

– Скрывают?

– Скрывают или скрывали. У меня есть предчувствие, что, как только я это обнаружу, смогу узнать, почему предпочел Гею и Галаксию нашей индивидуальности. Тогда, надеюсь, смогу узнать, а не чувствовать, что прав. Ну а если я прав, – он безнадежно пожал плечами, – пусть так и будет.

– Если ты чувствуешь, что это так, – сказал Дом, – и если ты чувствуешь, что ты должен искать Землю, тогда, конечно, мы поможем тебе в меру наших сил. Эта помощь, однако, ограничена. Например, я/мы/Гея действительно не знаем, где среди необъятной россыпи миров, галактик может находиться Земля.

– Все равно, – упрямо сказал Тревайз, – я должен искать. Пусть звезд в Галактике столько, сколько пыли под ногами, пусть я буду искать один – все равно.

2

Тревайза окружала укрошенная природа Геи. Температура, как всегда, была приятной, дул свежий, но не холодный ветерок. Облака плыли по небу, время от времени закрывая солнце, и, без сомнения, если уровень влажности где-то значительно падал, через какое-то время там обязательно должен был пролиться дождь.

Деревья росли ровными группами, подобно садам, и, несомненно, так было по всей планете. Суша и море были полны растительной и животной жизни в надлежащих количествах и в надлежащем разнообразии, чтобы обеспечить нужный экологический баланс, то и другоеросло и уменьшалось в численности, медленно колеблясь относительно некоего оптимума, – впрочем, как и численность человеческих существ.

Из всего, открывавшегося взору Тревайза, только одно нарушало общую гармонию – его корабль «Далекая Звезда».

Корабль был заботливо и умело вычищен, прибран кем-то из геянцев, снабжен запасами еды и питья, его оборудование – обновлено, механические устройства проверены и перепроверены. Тревайз сам тщательно осмотрел и опробовал корабельный компьютер.

В топливе корабль не нуждался – это было одно из новейших гравитационных судов Академии, использовавших энергию всеобщего гравитационного поля Галактики. Ее хватило бы для питания всех флотов человечества на все время их существования без заметного уменьшения интенсивности поля.

Три месяца назад Тревайз был Советником Терминуса. Другими словами, он являлся представителем законодательной власти Академии и, ex officio, одним из больших шишек в Галактике. Неужели это было всего три месяца назад?! Казалось, что прошла половина его тридцативосьмилетней жизни с тех пор, когда его единственной заботой было – безупречен ли в своей истине великий План Селдона; было ли заранее предусмотрено плавное возвышение Основания от маленького поселения до Галактического величия.

Впрочем, в некотором смысле никаких перемен не произошло. Он все еще был Советником. Его статус и его привилегии остались неизменными, за исключением того, что он не предполагал когда-либо вернуться на Терминус для подтверждения этого статуса и этих привилегий. Большой беспорядок Академии привлекал его теперь не больше, чем уют и упорядоченность Геи. Он нигде не ощущал себя как дома, всюду был сиротой.

Тревайз стиснул зубы и в ярости запустил пятерню в свою черную шевелюру. Прежде чем понапрасну оплакивать судьбу, он должен найти Землю. Если он останется жив, потом можно будет сесть и всласть поплакать. К той поре для этого может появиться более веская причина.

Голан взял себя в руки и холодно, трезво вспомнил, как все произошло.

Три месяца назад он и Дженоу Пелорат, талантливый, но наивный ученый, покинули Терминус. Пелорат, влекомый энтузиазмом антиквара отыскать давно потерянную Землю, и

Тревайз, искавший нечто совсем иное, использовавший цель Пелората как прикрытие для того, что считал своей реальной целью. Они не нашли Землю, но нашли Гею, а затем Тревайза вынудили вынести решение, от которого зависела судьба Галактики.

Но произошел неожиданный поворот, и теперь Тревайз тоже искал Землю.

А еще Пелорат нашел то, что и не думал найти. Он нашел Блесс – черноволосую, темноглазую юную женщину, которая была Геей так же, как и Дом – словно песчинки или листья травы. Пелорат, с необычным для своих преклонных лет пылом, влюбился в женщину почти вдвое моложе его, и эта юная женщина, как ни странно, не возражала против их союза.

Словом, как бы то ни было, Пелорат действительно был счастлив, и Голан смирился: каждый может найти счастье по своему вкусу. Это явилось проявлением индивидуальности, той индивидуальности, которую Тревайз своим выбором упразднял (со временем) во всей Галактике.

Боль вернулась. Решение, которое он вынес, которое он обязан был вынести, продолжало преследовать его все время и не давало...

– Голан!

Голос вторгся в мысли Тревайза, и он взглянул в направлении солнца, слепящего глаза.

– А, Джено, – сказал он радостно. Тем более радостно, что не желал расспросов Пелората о причинах его печали. Он даже решил пошутить: – Я вижу, ты ухитрился оторваться от блаженства?

Пелорат кивнул. Нежный бриз шевелил его шелковистые седые волосы, а вытянутое лицо было необыкновенно серьезно.

– Да, дружочек, она сама предложила, чтобы я увиделся с тобой и кое-что обсудил. Не то чтобы я не хотел увидеть тебя лично, конечно, но она, похоже, соображает быстрее, чем я.

Тревайз улыбнулся:

– Все верно, Джено. Ты пришел сказать «Прощай!». Я понимаю.

– Ну, нет, не совсем так. Наоборот, Голан, когда мы покинули Терминус, я настаивал на поисках Земли. Я посвятил этому почти всю свою разумную жизнь.

– И я продолжу поиски. Это дело теперь стало моим.

– Да, но оно и мое тоже, все еще мое.

– Но... – Тревайз развел руки в стороны, словно пытаясь охватить весь окружающий их мир.

– Я хочу полететь с тобой, – сказал Пелорат голосом, внезапно охрипшим от волнения.

Тревайз удивился:

– Ты не можешь этого хотеть, Джено. Теперь у тебя есть Гея.

– Когда-нибудь я вернусь на Гею, но я не могу позволить тебе улететь одному.

– Почему? Я о себе сам сумею позаботиться.

– Не обижайся, Голан, но твоих знаний недостаточно. Это я знаю мифы и легенды и смогу помочь тебе.

– И ты сможешь покинуть Блесс? Прямо сейчас?

Щеки Пелората покрылись румянцем.

– Я совсем не хочу делать этого, дружочек, но она сказала...

Тревайз нахмурился.

– Так она все-таки пытается управлять тобой? Она обещала мне...

– Нет, ты не понял. Пожалуйста, выслушай меня, Голан. Всегда ты так – не дослушаешь до конца... Мне трудно сказать коротко, но...

– Хорошо, – сказал Тревайз мягко, – предположим, ты расскажешь мне все, что у Блесс на уме, и так, как сам того желаешь, а я обещаю потерпеть.

– Спасибо, но долго терпеть тебе не придется, Блесс тоже хочет полететь с нами.

— Блисс? С нами? — воскликнул Голан. — Нет, я сейчас взорвусь. Скажи мне, Дженов, почему Блисс вздумалось путешествовать? Я просто так спрашиваю.

— Она не сказала. Об этом она хочет поговорить с тобой.

— Тогда почему ее здесь нет?

— Я думаю — нет, не я думаю — ей кажется, что ты не особенно ее любишь, Голан, и она очень волнуется, когда видит тебя. Лучшее, что я мог сделать, дружочек, это уверить Блисс, что ты против нее ничего не имеешь. Не могу поверить, что к ней можно относиться иначе... иначе, чем с уважением. Словом, она попросила меня обговорить, так сказать, с тобой эту тему. Могу я передать, что ты не прочь увидеться с ней, Голан?

— Конечно. Я встречусь с ней прямо сейчас.

— И ты обещаешь вести себя разумно? Понимаешь, дружочек, ее это очень волнует. Блисс говорит, что дело жизненно важно и она должна лететь с тобой.

— Но она не сказала тебе почему, верно?

— Нет, но если она считает, что должна отправиться, значит, так считает Гея.

— А это значит, что я не могу отказать. Не правда ли, Дженов?

— Наверное, не можешь, Голан.

3

Впервые за время своей краткой остановки на Гее Тревайз входил в дом Блисс, который служил сейчас жилищем и Пелорату.

Тревайз быстро огляделся. В жилищах на Гее все отражало стремление к простоте. При полном отсутствии каких-либо перепадов погоды, при неизменно мягкому климате, когда даже континентальные плиты скользили плавно, если они были вынуждены скользить, не было нужды строить дома, предназначенные для надежной защиты или для поддержания комфорта-табельной обстановки внутри некомфортабельной внешней среды. Вся планета была домом, удобным для своих обитателей.

Дом Блисс внутри этого планетарного жилища был невелик: окна — скорее жалюзи, чем стекло, обстановка простая и изящно-утилитарная. На стене висели голограммические портреты; один из них — Пелората, выглядевшего весьма озадаченным и смущенным. Губы Тревайза дрогнули, но он сдержанно потеребил шарф, повязанный вокруг пояса.

Блисс наблюдала за ним. Она против обыкновения не улыбалась. Даже была необычайно серьезна, ее прекрасные темные глаза широко раскрылись, волосы мягкой черной волной ниспадали на плечи. Только яркие пухлые губы горели на ее бледном лице.

— Спасибо, что пришел ко мне, Трев.

— Дженов очень просил, Блиссенобиарелла.

Блисс коротко улыбнулась.

— Хорошо сказано. Если ты будешь называть меня просто Блисс, я попытаюсь произносить твоё имя полностью, Тревайз. — На втором слоге она едва заметно запнулась.

Тревайз торжественно поднял правую руку:

— Это было бы неплохо. Я не против геянского обычая пользоваться односложными именами, так что, если тебе случится время от времени сбиться и назвать меня Тревом, я не обижусь. Однако мне будет приятнее, если ты попытаешься говорить «Тревайз» так часто, как только сможешь, а я буду стараться называть тебя «Блисс».

Тревайз изучал ее, как всегда при встрече с ней. С виду — юная женщина чуть старше двадцати. Но ей, как части Геи, было много тысяч лет. Это не проявлялось внешне, но становилось заметным по тому, как она иногда говорила, и по атмосфере, неизбежно окружавшей ее. Хотел ли он подобного для всех живущих? Нет! Наверняка нет, хотя...

Блисс прервала его размышления:

– Давай поговорим о деле. Ты настаиваешь на своем желании найти Землю...

– Я говорил с Домом, – сказал Тревайз. Он решил не уступать Гее без борьбы за собственное мнение.

– Да, но, говоря с Домом, ты говорил с Геей и с каждой ее частью, например, со мной.

– Ты слышала меня, когда я говорил с Домом?

– Нет, я не слышала, но тем не менее если я сосредоточусь, то смогу вспомнить, что ты сказал. Пожалуйста, поверь мне на слово. Так вот. Ты стремишься найти Землю и уверяешь, что это очень важно. Я не вижу почему, но у тебя – дар правоты, и потому я/мы/Гея должны согласиться с тобой. Если этот поиск – решающий момент для того выбора, что ты сделал, он такой же решающий и для Геи. Значит, Гея должна отправиться с тобой хотя бы для того, чтобы попытаться защитить тебя.

– Когда ты говоришь, что Гея должна отправиться со мной, ты подразумеваешь себя. Верно?

– Я Гея, – просто сказала Блисс.

– Здесь все и вся – Гея. Почему именно ты? Почему не какая-нибудь другая частичка Геи?

– Потому что Пел хочет сопровождать тебя, а, полетев с тобой, он не будет счастлив с любой другой частью Геи, кроме меня.

Пелорат, дотоле тихо, как мышка, сидевший в кресле в другом углу, спиной к своему портрету, негромко проговорил:

– Это правда, Голан. Блисс – *моя* часть Геи.

Блисс просияла, но тут же стала серьезной.

– Мне это льстит, но на самом деле все гораздо сложнее.

– Ну что ж, посмотрим. – Тревайз закинул руки за голову и навалился спиной на спинку стула. Тонкие ножки жалобно скрипнули, и Голан понял, что стул недостаточно крепок для такого с ним обращения, и, качнувшись вперед, опустил его на все четыре ножки. – А ты сможешь остаться частью Геи, покинув ее?

– Мне не обязательно все время быть ею. Я могу отделиться, например, если мне грозит серьезная опасность, и тогда беда не будет грозить всей Гее, или если для этого есть другая важная причина. Однако такое возможно только при особых обстоятельствах. В общем, я останусь частью Геи.

– Даже в случае «прыжка» через гиперпространство?

– Да, хотя это несколько сложнее.

– Все равно как-то неприятно.

– Почему?

Тревайз наморщил нос, словно от неприятного запаха.

– Ведь получается, что все, сказанное и сделанное на моем корабле, все, что увидишь и услышишь ты, может быть увидено и услышано Геей.

– Я Гея, так что все, что я вижу, слышу, чувствую, увидит, услышит и почувствует Гея.

– Верно. Даже эта стена, – с издевкой сказал Тревайз, указав на стену.

Блисс взглянула на стену и пожала плечами.

– Да, и стена тоже. Она наделена бесконечно малым сознанием, так что чувствует и понимает ничтожно мало. Но я так разумею, в стене происходят какие-то сдвиги атомов в ответ, к примеру, на все сказанное сейчас нами, и это позволяет ей с большей пользой влиться в Гею, принося благо всему в целом.

– Ну а если я хочу уединиться? Если я не хочу, чтобы стена следила за тем, что я говорю или делаю?

Блисс, похоже, рассердилась, и Пелорат вмешался в разговор.

— Знаешь, Голан, я не хотел встrevать, ведь я, конечно, не слишком много знаю о Гее. Однако я провел больше времени с Блисс и тоже был отчасти озабочен тем, о чём вы сейчас говорили. Если ты идешь сквозь толпу на Терминусе, ты видишь и слышишь очень много всякого-разного и потом можешь кое-что из этого вспомнить. Ты можешь даже при определенном напряжении сознания все восстановить, но, как правило, тебе до этого просто нет никакого дела. Ты пропускаешь многое мимо ушей и глаз, даже если наблюдаешь какую-нибудь забавную эмоциональную сцену, и все равно, если это не особенно заботит тебя, ты проходишь мимо и вскоре обо всем забываешь. То же самое, должно быть, происходит на Гее. Даже если все здесь точно знают, чем ты занят, это не означает, что Гея все время следит за тобой. Верно, Блисс, дорогая?

— Я никогда не думала об этом вот так, Пел, но в том, что ты сказал, что-то есть. Однако это уединение, о котором говорил Трев, то есть Тревайз, — нечто, что мы совсем не ценим. Впрочем, не только это. Не желать быть частью, чтобы твой голос не был слышен, твои дела не были кому-то известны, а мысли не ощущены... — Блисс энергично тряхнула головой. — Я сказала, что мы можем заблокировать себя при опасности, но кто же захочет *жить* так хоть час?

— Я, — сказал Тревайз. — Именно поэтому я должен найти Землю — отыскать главную причину, если таковая есть, которая привела меня к выбору этой ужасной судьбы для человечества.

— Эта судьба не ужасна, но не будем спорить. Я должна лететь с тобой не как надсмотрщик, но как друг и помощник.

Тревайз угрюмо буркнул:

— Гея помогла бы мне гораздо больше, указав, где находится Земля.

Блисс медленно покачала головой.

— Гея этого не знает. Дом уже сказал тебе.

— Я ему не совсем поверил. И потом, у вас должны быть хоть какие-то записи. Почему мне до сих пор не позволили на них взглянуть? Даже если Гея и вправду не знает, где Земля, может быть, я смогу о чём-нибудь догадаться, посмотрев эти записи. Я знаю Галактику прекрасно и, несомненно, лучше, чем ее знает Гея. Я способен понять такие туманные намеки в ваших записях, какие Гея, возможно, не совсем понимает.

— Но что это за записи, о которых ты говоришь, Тревайз?

— Какие угодно! Книги, фильмы, магнитозаписи, голограммы, артефакты — все, что у вас есть. Но все время, пока я здесь, я ничего похожего не видел. А ты, Джено?

— Нет, — ответил Пелорат, немного помедлив, — но я, честно говоря, и не искал.

— А я искал. По-своему, исподволь, — сказал Тревайз, — но ничего не нашел. Ничего! Я могу только предполагать, что все это спрятали от меня. Почему, я спрашиваю? Можешь сказать?

Блисс удивленно нахмурилась:

— Почему ты не спросил об этом раньше? Я/мы/Гея ничего не скрываем, и мы не лжем. Изолят¹ может солгать. Он отделен, одинок и боится, потому что он одинок. А Гея — планетарный организм величайшей ментальной силы и не ведает страха. Для Геи солгать, сказать неправду просто немыслимо.

Тревайз фыркнул:

— Тогда почему меня заботливо держали подальше от любых документов? По какой причине?

— По единственной. — Она вытянула перед собой пустые ладони. — У нас нет никаких записей.

¹ Изолят — так геянцы называют людей, не входящих в сообщество Геи. — Примеч. пер.

4

Пелорат опомнился первым. Вид у него, как ни странно, был гораздо менее удивленным, чем у Тревайза.

– Дорогая, – сказал он мягко, – но это просто невероятно. Вы не можете построить нормальную цивилизацию, не фиксируя каким-либо образом необходимой информации.

Блисс подняла брови:

– Это понятно. Я хотела сказать, что мы не имеем таких записей, о которых говорил Трев... Тревайз, и других, о которых он не упомянул. Я/мы/Гея не имеем летописей, печатной информации, фильмов, компьютерных банков данных – ничего такого у нас нет, даже наскальных надписей. Вот что я хотела сказать. А так как у нас всего этого нет, Тревайз, естественно, ничего и не нашел.

Тревайз не выдержал:

– Что же тогда у вас есть?

Блисс старательно, словно говорила с ребенком, произнесла:

– У меня/нас/Геи есть память. Я помню.

– Что ты помнишь?

– Все.

– Все справочные данные?

– Да.

– Но с каких пор? На сколько лет вглубь?

– На сколько угодно.

– И можешь выдать мне исторические, биографические, научные, географические данные? Каждую местную сплетню?

– Все.

– Все в этой маленькой головке? – Тревайз, сардонически улыбнувшись, показал на высокий лоб Блисс.

– Нет, – сказала она. – Память Геи не ограничивается содержимым моего мозга. Пойми, – на мгновение она стала церемонной и даже несколько суровой, словно перестала быть только Блисс и превратилась в совокупность множества других индивидуальностей, – когда-то, в доисторические времена, человеческие существа были настолько примитивны, что хотя они и могли вспомнить прошлые события, но еще не умели говорить. Речь была изобретена и предназначена для того, чтобы выражать воспоминания и передавать их от человека человеку. Письменность, вероятно, изобрели для того, чтобы записывать воспоминания и передавать их сквозь века, от поколения к поколению. Все технические достижения впоследствии служили для создания больших возможностей для передачи и хранения воспоминаний и более легкого извлечения необходимых данных. Однако, как только для формирования Геи объединилась группа индивидуальностей, все это стало излишним. Мы можем вернуться к памяти, базисная система сохранения данных которой все еще строится. Понимаешь?

– Ты имеешь в виду, что общая сумма сознаний на Гее может запомнить гораздо больше данных, чем отдельный мозг?

– Конечно.

– Но если все знания Геи распространены по всей планетарной памяти, что полезного это дает тебе как индивидуальной части Геи?

– Все, что я пожелаю. Все, что бы я ни захотела узнать, находится где-нибудь в чьем-нибудь личном сознании, а может быть, во многих из них. Если это что-то обиходное, такое, как, например, значение слова «стул», – такое знает и помнит каждый. Но даже если это что-то эзотерическое, что находится в одной-единственной маленькой частице сознания Геи, я могу

вызвать это, если необходимо, хотя такой вызов может занять несколько больше времени, чем вспоминать что-либо более обыденное. Пойми, Тревайз, если ты хочешь узнать что-нибудь, чего не знаешь сам, ты смотришь какие-нибудь нужные книгофильмы или пользуешься компьютерным банком данных. Я же обследую всеобщий разум Геи.

– А вдруг информация хлынет бурным потоком, затопит твой мозг и сорвет в нем все краны?

– Зачем ты так шутишь, Тревайз?

– Правда, Голан, не надо грубить, – сказал Пелорат.

Тревайз переводил свой взгляд с Пелората на Блисс и наконец с видимым усилием заставил себя расслабиться.

– Извините. На меня давит груз ответственности, которой я не хотел и от которой не знаю, как освободиться. Наверное, и вправду, вышло грубо. Блисс, но я действительно хочу знать. Как ты пробираешься сквозь содержимое сознаний других, без того чтобы хранить все это в своем собственном мозгу, не подвергая его перегрузке?

– Я знаю, Тревайз, не больше, чем ты детали работы, например, своего мозга. Я полагаю, тебе известно расстояние от твоего солнца до ближайшей звезды, но ты же не держишь это постоянно в сознании. Ты хранишь это где-то и можешь вызвать число в любой момент, как только возникнет нужда. Представь мозг Геи как огромный банк данных, откуда я могу вызвать это число, но у меня нет необходимости вспоминать сознательно о любой повседневной вещи. Как только мне будет необходим какой-либо факт или воспоминание, я просто могу позволить ему всплыть из памяти. Точно так же я могу, соответственно, вернуть все назад, так сказать, на то место, откуда было взято.

– Как много людей на Гее, Блисс? Сколько человеческих существ?

– Около миллиарда. Назвать точное число на данный момент?

Тревайз успокаивающе улыбнулся.

– Я не сомневаюсь, что ты можешь, если пожелаешь, вызвать точное число, но меня вполне удовлетворит приближенное.

– На самом деле, – сказала Блисс, – население Геи устойчиво и колеблется относительно обычного уровня, который слегка превышает миллиард. Я могу определить, на сколько это количество превышает средний уровень или не достигает его, расширяя сферу моего сознания и, скажем, ощущая его границы. Я не смогу объяснить это лучше, чем только что попыталась, тому, кто никогда ничего подобного не проделывал.

– Сдается мне, однако, что миллиарда разумов – а ведь среди них есть и детские – все равно маловато для удержания в памяти всех данных, необходимых сложному сообществу.

– Но человеческие существа – не единственные живые организмы на Гее, Трев.

– Ты имеешь в виду, что животные тоже запоминают?

– Нечеловеческие сознания не могут хранить информацию такого же объема, как человеческие; кроме того, большое место во всех сознаниях – как человеческих, так и нет – должно быть отдано под личные воспоминания. Они, правда, имеют значение лишь для отдельной компоненты планетарного сознания, таящей их в себе. Однако и в сознании животных, и в сознании растительности, и в сознании минералов содержится большой объем информации.

– Минералы? Что – скалы и горные хребты?

– Да, а еще океаны и атмосфера. Все это – тоже Гея.

– Но что может знать и хранить неживая материя?

– Очень многое. Интенсивность хранимой ею информации невысока, но объем так велик, что подавляющее большинство общей памяти Геи находится именно в неживой материи, и больше всего – в горах и скалах. Нужно несколько больше времени, чтобы извлечь информацию из скал, и этим занимаются не слишком часто.

– А что происходит, когда умирает кто-нибудь, чье сознание хранит сведения, имеющие всеобщее значение?

– Эти сведения не исчезают. Они постепенно выделяются, когда мозг распадается после смерти, но со временем их впитывают другие частицы Геи. И как только вместе с рождением ребенка появляется новый мозг, он не только копит собственные воспоминания и мысли, но добавляет к ним знания из других источников. То, что ты называешь «образованием», со мной/нами/Геей происходит совершенно автоматически.

– Ей-богу, Голан, – сказал Пелорат, – мне кажется, что весь живой мир – это просто великолепно. Здесь многое достойно примера.

Тревайз искося взглянул на приятеля.

– Безусловно, Дженов, но я не в восторге. Планета такая большая, где столько всего самого разного, представляет собой единый мозг. Единый! Каждый нарождающийся мозг влияется в целое. Где возможность для протеста, для несогласия? Когда думаешь об истории человечества, то можешь представить человека, чьи взгляды не разделяло большинство и, может быть, осуждало общество, но который в конце концов победил и изменил мир. Что бы мог поделать такой бунтарь здесь, на Гее?

– У нас есть внутренние конфликты, – сказала Блисс. – Не всякое мнение Геи обязательно безоговорочно принимается всеми.

– Наверняка конфликты сведены к минимуму, – сказал Тревайз. – Вы не можете себе позволить много сбоев внутри единого организма, иначе он не сможет нормально функционировать. Если прогресс и развитие и не останавливаются, они как минимум должны замедлиться. Так что же, рискнуть? Взять вас за эталон и проделать такое со всей Галактикой? Со всем человечеством?

– Ты оспариваешь сейчас свое собственное решение? – бесстрастно спросила Блисс. – Ты передумал и теперь считаешь, что Гея – нежелательное будущее для человечества?

Тревайз поджал губы и на некоторое время умолк.

– Когда-нибудь, – наконец медленно сказал он, – это мне, может быть, и понравится, но – не теперь. Я принял свое решение на какой-то основе, какой-то подсознательной основе, и до тех пор, пока не выясню, что это за основа, не смогу сказать, останусь при своем мнении или нет. А теперь давай вернемся к разговору о Земле.

– Где, как ты предчувствуешь, ты сможешь узнать правду? Так, Тревайз?

– Я предчувствую именно это. Впрочем, Дом говорит, что Гея и в самом деле не знает, где находится Земля. И ты согласна с ним, полагаю.

– Конечно, я согласна с ним. Я не меньше Гея, чем он.

– И ты утаиваешь знания от меня? Сознательно, я хочу сказать.

– Конечно, нет. Даже если бы Гея могла лгать, она не смогла бы солгать *тебе*. Прежде всего мы зависим от твоих решений, и нам необходимо, чтобы они были верны. Следовательно, в их основе должна лежать правда.

– В таком случае попробуем использовать твою всемирную память. Оглянись назад. Насколько глубоко ты можешь оглянуться?

Наступила пауза. Блисс не мигая, точно погрузившись в транс, глядела на Тревайза. Затем сказала:

– Пятнадцать тысяч лет.

– Почему ты не сразу ответила?

– Это требует времени. Древние воспоминания – самые древние – почти все лежат в недрах гор, и, чтобы вызволить их оттуда, нужно время.

– Значит, пятнадцать тысяч лет назад? Это время, когда была основана Гея?

– Нет, согласно нашим сведениям это произошло примерно на три тысячи лет раньше.

– Почему ты не уверена? Ты – или Гея – не можешь вспомнить?

– Это было прежде, чем Гея развились до стадии, когда память стала глобальным явлением.

– Тогда выходит, что, прежде чем вы смогли опираться на коллективную память, Гея должна была вести записи, Блесс. Записи в обычном смысле этого слова – летописи, магнитозаписи, фильмы и тому подобное.

– Наверное, так оно и было, но они вряд ли смогли сохраниться, учитывая, сколько времени прошло.

– Они могли быть скопированы или, еще лучше, переведены в глобальную память, как только она развилась.

Блесс замерла. На этот раз пауза длилась дольше.

– Я не нахожу следов тех ранних записей, о которых ты говоришь.

– Почему?

– Не знаю, Тревайз. Может быть, они оказались не особо важными. Мне кажется, что в то время, когда стало ясно, что ранние записи пришли в негодность, устарели, Гея сочла, что они больше не нужны.

– Ты не знаешь этого. Ты предполагаешь, тебе кажется, но ты не знаешь этого наверняка. Гея не знает этого.

– Должно быть, так, – потупилась Блесс.

– Должно быть? Я не часть Геи, и, следовательно, мне нет нужды думать так, как думает Гея, – вот тебе пример того, как важно уметь мыслить независимо. Я, как изолят, думаю совсем о другом.

– О чём же?

– Во-первых, есть нечто, в чём я уверен. Существующие цивилизации не стремятся уничтожать все свои ранние записи. Вместо того чтобы объявлять их устаревшими и ненужными, они относятся к ним с явной ревностью, стараются любой ценой сохранить их. Если геянские предглобальные записи были уничтожены, Блесс, вряд ли такое уничтожение было добровольным.

– Как же тогда можно объяснить все это?

– В Библиотеке на Тренторе все сведения о Земле были уничтожены кем-то или какой-то иной силой, не самими ли adeptами Второй Академии. Возможно, следовательно, что на Гее все сведения о Земле были удалены кем-то или чем-то другим, а не самой Геей.

– Как ты можешь утверждать, что в ранних записях упоминалась Земля?

– Судя по твоим словам, Гея была основана, по крайней мере, восемнадцать тысяч лет назад. Стало быть, в период перед созданием Галактической Империи, в период, когда колонистами заселялась Галактика. А первоисточником колонистов была Земля. Спроси у Пелората.

Пелорат, ошеломленный внезапной апелляцией к нему, взъерошился.

– Так в легендах, моя дорогая. Я воспринимаю их серьезно и думаю, как и Голан Тревайз, что род человеческий был первоначально ограничен одной планетой, и этой планетой была Земля. Самые первые колонисты пришли с Земли.

– Следовательно, если Гея, – сказал Тревайз, – была основана в раннюю эру межпространственных путешествий, весьма вероятно, что колонизирована она была землянами или, возможно, уроженцами достаточно недавно заселенного мира, который незадолго до этого был колонизирован землянами. А значит, записи времен основания Геи и первых нескольких тысячелетий явно должны были упоминать Землю и землян. Эти записи пропали. *Что-то*, очевидно, есть в том, что Земля не упоминается нигде в архивах Галактики. И если так, у этого должна быть причина.

Блесс раздраженно проговорила:

– Это всего лишь предположения, Тревайз. У тебя нет доказательств.

– Но разве Гея не утверждает, что я обладаю удивительным даром приходить к правильным выводам, располагая неполными данными. В таком случае, если я в чем-нибудь твердо убежден, не говори, что у меня нет доказательств. – Блисс промолчала. Тревайз продолжал: – Тем больше причин для поиска Земли. Я настаиваю на отлете, как только «Далекая Звезда» будет готова. Ну как? Полетите со мной?

– Да, – сразу сказала Блисс.

– Да, – сказал Пелорат.

Глава 2 На Компореллоне

5

Моросил мелкий дождь. Тревайз взглянул вверх, на низкое серовато-белое небо.

На нем была особая шляпа, для дождливой погоды. Капли отлетали от нее в разные стороны. Пелорат, стоящий чуть поодаль, был без шляпы.

– Зачем ты мокнешь, Дженов? – спросил Тревайз.

– Это ничего, дружочек, – ответил Пелорат по обыкновению. – Дождь тихий и теплый.

Да и ветра нет. И потом, как говорили – «в Анакреоне веди себя, как анакреонцы». – Он указал в сторону геянцев, молчаливо стоящих неподалеку от корабля. Те даже не шелохнулись, хотя были под дождем без головных уборов. Молчаливые, неподвижные – ни дать ни взять рощица геянских деревьев.

– Наверное, – сказал Тревайз, – они не боятся дождя, потому что все остальное на Гее тоже мокнет. Деревья, трава, почва – все, включая геянцев.

– Что же, по-моему, очень разумно, – заметил Пелорат. – Скоро выглянет солнце, и все быстро высохнет. Одежда не помнется и не сядет, здесь нельзя замерзнуть, а поскольку здесь совершенно нет никаких болезнетворных микробов, никто не подхватит насморк, грипп или пневмонию. Зачем же горевать, если немного промокнешь?

Тревайз был согласен – все логично, но не желал сдаваться.

– И все-таки, зачем надо было устраивать дождь в день нашего отлета? Ведь дождь здесь управляем. На Гее не пойдет дождь, если она этого не пожелает. Она словно бы афиширует презрение к нам.

– Может быть, совсем наоборот? Может быть, и Гея скорбно оплакивает наш отлет?

– Она – может быть, но я – нет.

– Знаешь, – продолжал Пелорат, – на самом деле все, наверное, гораздо проще: почва здесь нуждается в увлажнении, и это – гораздо более важно, чем твое желание видеть ясное небо и солнце.

Тревайз улыбнулся:

– Похоже, тебе в самом деле нравится этот мир. Помимо Блисс, я хочу сказать.

– Да, – сказал Пелорат, словно обороняясь. – Я всегда жил тихой, упорядоченной жизнью и, думаю, смог бы прижиться здесь, где целый мир трудится над поддержанием покоя и порядка. Понимаешь, Голан, ведь когда мы строим дом – ну, или корабль, – мы пытаемся создать для себя самое лучшее убежище. Мы снабжаем его всем, в чем нуждаемся, мы обустраиваем его так, чтобы можно было регулировать температуру, качество воздуха, освещение и так далее, и Гея – всего лишь расширение этого стремления к комфорту и безопасности до размеров планеты. Что в этом плохого?

– Что в этом плохого? – переспросил Тревайз. – То, что мой дом или мой корабль построен так, чтобы они подходили *мне*, а не я им. Если бы я был частью Геи, то, как бы идеально ни старалась планета устраивать меня, меня бы все равно бесило то, что я должен устраивать ее.

Пелорат поморщился:

– Послушай, но ведь можно сказать, что любое общество формирует свое население в угоду себе. Развиваются устои, присущие данному обществу, и каждый индивидуум становится рабом общественного устройства.

– Ну, знаешь, в тех обществах, которые мне известны, кто-нибудь может, например, взять и взбунтоваться. Встречаются люди эксцентричные, даже преступники.

– Ты что хочешь, чтобы они были – чудаки и преступники?

– Почему бы и нет? Мы же с тобой – чудаки. Уж, конечно, мы не типичные представители населения Терминуса. Что до преступников, то все дело в определении. Но если преступники – цена, которую мы должны платить за существование бунтарей, еретиков и гениев, я готов платить. Я *требую*, чтобы эта цена была заплачена.

– Неужели, кроме преступников, за это нечем заплатить? Разве нельзя иметь гениев, не имея преступников?

– Найти гениев и святых можно лишь среди людей не совсем нормальных, а я не вижу, каким образом отклонения от нормы могут быть только в одну сторону. Должна быть симметрия. В общем, как бы то ни было, мне нужна более веская причина для решения избрать Гею в качестве модели будущего для человечества, чем всепланетный проект комфортабельного дома.

– Ах, дружочек, я вовсе не пытался убеждать тебя в правильности твоего решения. Я просто смотрел и ду…

Он не договорил. К ним спешила Блисс, ее темные волосы вымокли, платье прилипло к груди и широким бедрам. Блисс кивнула на ходу.

– Простите за опоздание, – сказала она, переведя дух. – Прощание с Домом затянулось. Нужно было кое-что уточнить.

– Неужели! – удивился Тревайз. – Ведь ты знаешь все, что знает он.

– Иногда мы расходимся в интерпретации. Мы не одинаковы, и мы об этом уже говорили. Взгляните, – сказала она несколько резковато, – у вас две руки. Каждая из них – часть вас, и они кажутся одинаковыми, но одна является зеркальным отображением другой. При этом вы не пользуетесь ими совершенно одинаково, не правда ли? Есть вещи, которые чаще делаешь своей правой рукой, а другие – левой. Различия в интерпретации, так сказать.

– Положила на лопатки! – довольно крикнул Пелорат.

Тревайз кивнул:

– Эффектная аналогия, только вряд ли подходит к случаю. Ну да ладно. Не пора ли на корабль? *Дождь* идет все-таки.

– Да, да. Все наши ушли оттуда. Корабль в отличном состоянии. – Затем, с внезапным любопытством взглянув на Тревайза, Блисс заметила: – А ты совсем сухой. Капли на тебя не попадают.

– Угу, – буркнул Тревайз, – мокнуть неохота.

– Но разве не прекрасно иногда вымокнуть до нитки?

– Неплохо. Но, на мой вкус, не под дождем.

Блисс пожала плечами:

– Ну, дело твое. Багаж погружен, так что давайте войдем.

Все трое пошли к кораблю. Дождь утихал, но трава была совсем мокрой. Тревайз поймал себя на том, что боязливо ступает по ней, а Блисс сбросила тапочки, взяла их в руку и шлепала босиком.

– Восхитительное ощущение! – сказала она, поймав обращенный на ее ноги взгляд Тревайза.

– Не спорю, – сказал он рассеянно и тут же сердито поинтересовался: – А зачем тут собрались эти?

– Они будут записывать это событие, – ответила Блисс. – Гея находит его знаменательным. Ты для нас – очень важная фигура, Тревайз. Пойми, что, если ты изменишь свое мнение в результате этого путешествия и примешь решение против нас, мы никогда не превратимся в Галаксию и даже не останемся Геей.

– Следовательно, я олицетворяю собой жизнь и смерть Геи, целого мира?

– Мы думаем, что это именно так.

Тревайз внезапно остановился и снял шляпу. На небе появились голубые просветы. Он сказал:

– Но у вас уже есть мое слово в вашу пользу. Если вы убьете меня, я никогда не смогу изменить его.

– Голан, – обескураженно пробормотал Пелорат, – что ты говоришь?

– Типичное мышление изолята, – холодно отозвалась Блисс. – Ты должен понять, Тревайз, что нас интересуешь не ты лично и не твое слово, а истина, действительное положение дел. Ты важен только как проводник к истине, и твой голос – ее знак. Вот то, чего мы хотим от тебя, и, если мы убьем тебя, чтобы ты не смог изменить свое решение, мы просто скроем истину от самих себя.

– Если я скажу, что истина – это не Гея, вы с радостью согласитесь умереть?

– Не очень радостно, пожалуй, но хотелось бы именно так держаться под конец.

– Если что-нибудь и должно убедить меня в том, – покачал головой Тревайз, – что Гея ужасна и должна умереть, так это то самое, что ты только что сказала.

Затем, посмотрев в сторону бесстрастно наблюдавших, а может быть, и слушавших геянцев, он сердито спросил:

– Почему они так стоят? И почему их так много? Если один из них посмотрит на это событие и сохранит все в своей памяти, не будет ли этого достаточно? Разве воспоминание об отлете не сможет храниться в миллионах мест, если вы этого захотите?

– Каждый из тех, кто наблюдает это, воспринимает все по-своему, сохранит память об этом в своем сознании, не похожем на другие. Когда все наблюдения изучат, станет очевидным, что произшедшее может быть лучше понято из синтеза всех наблюдений, чем из любого, взятого отдельно.

– Целое – больше, чем сумма его частей, иначе говоря.

– Точно. Ты уловил смысл основного принципа существования Геи. Ты, как многоклеточный организм, состоишь примерно из пятидесяти триллионов клеток, но как личность более важен, чем эти пятьдесят триллионов в сумме их собственных значений. Наверняка ты не станешь с этим спорить.

– Да, – сказал Тревайз, – с этим я согласен.

Он поднялся по трапу и у самого люка резко обернулся, чтобы еще раз взглянуть на Гею. Короткий дождь принес свежесть и благоухание. Перед Тревайзом лежал зеленый, тихий, мирный, цветущий мир, безмятежный сад посреди мятежной, измученной Галактики.

Но Тревайз всей душой надеялся, что никогда не увидит его вновь.

6

Когда люк шлюза захлопнулся позади них, Тревайзу показалось, словно он проснулся не то чтобы после кошмара, но после чего-то настолько ненормального, что ему было тяжело дышать.

Он не забывал, что элемент этой ненормальности все еще находился рядом с ним в лице Блисс. Пока она тут, Гея рядом. А еще он знал, что ее присутствие – не мелочь. Черный ящик заработал снова, и Тревайз горячо надеялся, что не купится на суждения этого ящика.

Он осмотрел судно и не нашел к чему придраться. Оно принадлежало только ему с тех пор, как Мэр Академии Харла Бранно засунула его в этот корабль и отправила в межзвездную ссылку – громоотвод для себя, приманку для тех, кого считала врагами Академии. Ее задание выполнено, но корабль остался у него, и он не собирался его возвращать.

Корабль принадлежал ему не больше нескольких месяцев, но уже стал его домом, и теперь он с трудом мог вспомнить, какой же у него был дом на Терминусе.

Терминус! Далекая столица Академии, призванная, согласно Плану Селдона, основать новую, величайшую Империю через пять столетий – согласно Плану, который Тревайз пустил под откос. Своим личным решением он превращал Академию в ничто и взамен открывал новый путь развития общества, новую схему жизни, самую жуткую революцию из всех, что происходили со временем начала развития разумной жизни.

И вот он отправился в новое путешествие – для того, чтобы доказать самому себе, что сделал правильный выбор.

Тревайз прогнал мрачные мысли и поспешил в рубку. Компьютер еще находился на своем месте. Компьютер сверкал, искрился. Да, собственно, сверкало все. Здесь провели очень тщательную уборку. Все системы работали безукоризненно и, казалось, более легко, чем прежде. Вентиляционная система функционировала беззвучно, и Тревайз недоверчиво приложил руку к вентилятору, чтобы почувствовать поток воздуха.

Пучок света зазывно притягивал. Тревайз коснулся его, и свет разлился по поверхности пульта, очертив контуры ладоней. Голан судорожно вздохнул. Надо же – он, оказывается, от волнения задержал дыхание. Геянцы ничего не знали о технике Академии и могли запросто повредить компьютер безо всякого злого умысла. Правда, на вид все было как обычно.

Тревайз на мгновение замер. Он узнает, почти наверняка, если что-нибудь будет не так; однако если окажется, что так оно и есть, что он сможет поделать? Для ремонта нужно будет вернуться на Терминус, но, если он это сделает, Мэр Бранно его оттуда точно не выпустит. А если он не вернется…

Он почувствовал, как колотится сердце. Нет, хватит ждать.

Тревайз вытянул руки и совместил их с контурами на пульте. И тут же возникла иллюзия, что их скжала другая пара рук. Интенсивность его чувств возросла – теперь он мог видеть Гею со всех сторон – зеленую планету, еще не высохшую после дождя, глядящих в небо геянцев. Когда он посмотрел вверх, он увидел небо в густых облаках. По его мысленному приказу небо приблизилось, облака исчезли и возникла ясная синева и круг геянского солнца.

Еще одно мысленное усилие – и синева исчезла. Тревайз увидел звезды.

Но вот исчезли и они, и Тревайз увидел Галактику, подобную сжатой спирали. Голан проверил компьютерное изображение, меняя его ориентацию, манипулируя в зависимости от времени, заставляя Галактику вращаться сперва в одном направлении, затем – в другом. Он нашел солнце Сейшелла, ближайшую к Гее звезду; потом – солнце Терминуса, потом Трентора. Он путешествовал от звезды к звезде, по карте Галактики, скрытой внутри компьютера.

Потом он отнял руки от пульта и вернулся в реальный мир – и обнаружил, что простоял все это время, полусогнувшись над компьютером. Мышцы у него одеревенели, и ему пришлось потянуться перед тем, как сесть.

Тревайз смотрел на компьютер с чувством искреннего облегчения. Он работал исправно. Нет, чувство Тревайза называлось иначе – его можно было назвать любовью. Ведь в то время, когда он клал руки на контуры ладоней (он пытался отбросить мысль о том, что представляет, будто это женские руки), они становились одним целым, и его воля направлялась, контролировалась, испытывалась и превращалась в часть чего-то большего. Тревайз с неожиданным беспокойством подумал, что он и компьютер, наверное, чувствовали (в ничтожно малой степени) то объединение, что чувствовала гораздо сильнее Гея.

Он сердито тряхнул головой. Нет! В случае с компьютером он, Тревайз, владел ситуацией целиком и полностью. Компьютер был просто покорным, послушным созданием.

Он встал и прошел коротким коридором в салон. Здесь хранилось достаточное количество самой разнообразной пищи и соответствующие устройства для замораживания и быстрого разогрева.

Открыв дверь в свою комнату, Тревайз уже заметил, что библиофильмы стояли на своих местах, и он был почти уверен – нет, всецело уверен, что личная библиотека Пелората образцово сохранена. Однако, для верности, об этом нужно спросить у него самого.

Пелорат! Тревайз кое-что вспомнил и зашел в каюту Пелората.

– А здесь хватит места для Блисс, Дженов?

– О да, вполне.

– Можно было бы устроить спальню для нее в общей каюте.

Блисс, широко раскрыв глаза, снизу вверх взглянула на Тревайза.

– Мне не нужна отдельная спальня. Мне и тут будет очень хорошо с Пелом. Впрочем, я надеюсь, что смогу при необходимости пользоваться другими помещениями. Спортивным залом, например.

– Конечно. Любым помещением, кроме моей каюты.

– Хорошо. Так и я предложила бы расположиться, если бы это зависело от меня. Ну, а ты к нам не входи без стука.

– Естественно, – сказал Тревайз, опустил взгляд и понял, что стоит на пороге. Он сделал полшага назад и мрачно буркнул: – Тут не номер для новобрачных, Блисс.

– Да уж. Тут тесновато, хотя Гея в половину расширила эту каюту.

Тревайз, стараясь сдержать улыбку, проговорил:

– Вам придется не ссориться.

– А мы и не ссоримся, – сказал Пелорат, которому явно неловко было от темы разговора, – но, правда, дружочек, покинул бы ты нас, мы уж как-нибудь устроимся.

– Устраивайтесь, – медленно проговорил Тревайз. – Но уясните, что здесь не место для медового месяца. Я не возражаю против всего того, что вы будете делать по взаимному согласию, но вы должны понять, что уединиться здесь невозможно. Я надеюсь, это понятно, Блисс.

– Здесь есть двери, – сказала Блисс, – и я полагаю, ты не будешь тревожить нас, когда они будут заперты, – само собой, за исключением случаев реальной опасности.

– Не буду. Однако здесь нет звукоизоляции.

– Ты хочешь сказать, Тревайз, что сможешь ясно услышать любой наш разговор и любые звуки, которые мы можем производить в порыве страсти?

– Да, именно это я хочу сказать. Принимая это во внимание, я ожидаю, что вы постараетесь вести себя потише. Может, вам это не по душе, но я прошу прощения – такова ситуация.

Пелорат откашлялся и негромко проговорил:

– Действительно, Голан, это проблема, с которой я уже столкнулся. Понимаешь, ведь любое ощущение, которое испытывает Блисс, когда она вместе со мной, охватывает всю Гею.

– Я думал об этом, Дженов, – сказал Тревайз, с трудом скрывая отвращение, – мне не хотелось говорить об этом, но, видишь, ты сам сказал.

– Да, дружочек.

– Не делайте из этого проблемы, Тревайз, – вмешалась Блисс. – В любое мгновение на Гее тысячи людей занимаются сексом; миллионы едят, пьют, занимаются чем угодно. Это вносит вклад во всеобщую ауру удовольствия, которое чувствует Гея, каждая ее частица. Низшие животные, растения – все испытывают свои маленькие радости, вливающиеся во всеобщую радость, которую Гея чувствует всегда, всеми своими частицами, и этого нельзя ощутить в другом мире.

– У нас свои собственные радости, – ответил Тревайз, – которые мы вольны делить с другими, следуя моде, или утаить, если не хотим огласки.

– Если бы ты мог чувствовать так, как мы, то понял бы, как обделены в этом отношении вы, изоляты.

– Откуда тебе знать, что и как мы чувствуем?

— Я не знаю, что чувствуешь ты, но резонно предположить, что мир всеобщей радости наверняка более изощрен, чем мир радости одного человека.

— Возможно, но пусть мои радости и скучны, я предпочитаю довольствоваться ими, оставаясь самим собой, а не кровным братом холодного булыжника.

— Не издевайся, — сказала Блисс. — Ты же ценишь каждый атом в своих косточках и не желаешь, чтобы хоть один из них повредился, хотя в них не больше сознания, чем в таком же точно атоме камня.

— Это, в общем, верно, — неохотно согласился Тревайз, — но мы ушли от темы разговора. Мне нет дела до того, что вся Гея делит твою радость, Блисс, но я не желаю разделять ее. Мы будем жить здесь в соседних каютах, и я не желаю, чтобы меня вынуждали участвовать в ваших забавах даже косвенно.

— Это спор ни о чем, дружочек, — сказал Пелорат. — Я не менее тебя озабочен нарушением твоей уединенности. Как и моей, впрочем. Блисс и я будем сдерживаться, не правда ли, Блисс?

— Все будет, как ты пожелаешь, Пел.

— В конце концов, — сказал Пелорат, — мы проведем гораздо больше времени на планетах, чем в космосе, а на планетах препятствий для уединения...

— Мне до лампочки, чем вы будете заниматься на планетах, — оборвал его Тревайз, — но на этом корабле я главный.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться Пелорат.

— Ну, раз мы это утрясли, пора трогаться.

— Но подожди. — Пелорат схватил Тревайза за рукав. — Трогаться. Куда? Где находится Земля, не знаем ни ты, ни я, ни Блисс, не знает и твой компьютер. Ведь ты давно говорил мне, что в нем отсутствует всякая информация о Земле. Что ты намерен предпринять? Ты же не можешь дрейфовать наугад по всему космосу, дружочек.

Тревайз на это только улыбнулся. Впервые с тех пор, как он попал в объятия Геи, он чувствовал себя хозяином своей судьбы.

— Уверяю тебя, — сказал он, — что дрейф не входит в мои намерения, Дженов. Я точно знаю, куда направляюсь.

7

Не дождавшись ответа на свой робкий стук в дверь, Пелорат тихонько вошел в рубку. Тревайз был поглощен внимательным изучением звездного пространства.

— Голан, — окликнул его Пелорат и остановился в ожидании.

Тревайз обернулся.

— Дженов! Присаживайся. А где Блисс?

— Спит. Мы уже в космосе, как я погляжу.

— Ты прав, — кивнул Тревайз.

Он не был удивлен неведением друга. В этих новых гравитационных кораблях просто невозможно было заметить взлет. Никаких побочных явлений — ни перегрузок, ни шума, ни вибраций.

Обладая способностью отталкиваться от внешних гравитационных полей с какой угодно, вплоть до полной, интенсивностью, «Далекая Звезда» поднималась с поверхности планеты, как бы скользя по некоему космическому морю. И пока она это проделывала, действие гравитации внутри корабля, как это ни парадоксально, оставалось нормальным. Конечно, пока корабль находился в атмосфере, не было нужды в ускорении, так что вой и вибрация быстро рассекаемого воздуха отсутствовали. Но, как только атмосфера оставалась позади, можно было начинать разгон, и притом довольно быстрый, не тревожа пассажиров.

Это было исключительно удобно, и Тревайз не видел, как еще можно усовершенствовать способ передвижения, если только люди не найдут возможности махнуть сквозь гиперпространство совсем без корабля, наплевав на любые, даже самые сложные гравитационные поля. Сейчас же «Далекой Звезде» нужно было удирать от Геи в течение нескольких дней, пока интенсивность гравитационного поля не ослабнет и можно будет совершить Прыжок.

– Голан, дружочек, – сказал Пелорат, – могу я минуту-другую поговорить с тобой? Ты не слишком занят?

– Я совсем не занят. Компьютер делает все сам, после того как я его соответственно проинструктирую. А временами кажется, что он предугадывает мои инструкции и выполняет их прежде, чем я сформулирую приказ. – Тревайз любовно провел ладонью по поверхности пульта управления.

– Мы очень подружились, Голан, за то короткое время, что знаем друг друга, хотя, должен признать, я с трудом верю, что прошло так мало времени. Так много всего случилось. Это так удивительно... Когда я думаю об этом, то получается, что половина всех событий, которые я пережил за свою жизнь, произошла в последние несколько месяцев. Или это только кажется. Я готов сказать...

Тревайз протестующе поднял руку.

– Дженов, ты отвлекаешься. Ты начал с того, что мы с тобой быстро сдружились. Да, это так, и мы все еще друзья. Однако ты знаешь Блисс совсем недавно и с ней еще крепче подружился.

– Тут другое дело, – сказал Пелорат, смущенно кашлянув.

– Конечно. И что же следует из нашей недолгой, но крепкой и выстраданной дружбы?

– Если, дружочек, мы все еще друзья, как ты только что сказал, то я хотел бы поговорить о Блисс, которая, как ты верно отметил, особенно дорога мне.

– Я понимаю. И что из этого?

– Я знаю, Голан, ты не любишь Блисс, но ради меня, я хотел бы...

Тревайз взмахнул рукой.

– Минутку, Дженов. Я не в восторге от Блисс, но я не ненавижу ее. Ей-богу, у меня нет к ней враждебного чувства. Она привлекательная молодая женщина, и, даже если бы она такой не была, я готов был бы считать ее таковой ради тебя. Я не люблю Гею.

– Но Блисс – это и есть Гея.

– Знаю, Дженов. Именно это так осложняет дело. Пока я думаю о Блисс как о человеке – нет проблем. Как только я вижу в ней Гею – они появляются.

– Но ты не дал Гее ни единого шанса, Голан. Послушай, дружочек, позволь мне признаться кое в чем. Когда Блисс и я занимались любовью, она порой позволяла мне подключиться к ее сознанию на минуту-другую. Не дольше, так как считает меня слишком старым, чтобы адаптироваться к этому. Ах, не ухмыляйся, Голан, ты, должно быть, тоже слишком стар для такого. Если изолят, такой, как ты и я, станет частью Геи более чем на минуту или две, наш мозг может быть поврежден, а если это продолжится пять-десять минут, то приведет к необратимым изменениям. Если бы ты только мог испытать это, Голан!

– Что? Необратимое повреждение мозга? Нет уж, спасибо.

– Голан, ты нарочно не хочешь понять меня. Я имел в виду только тот краткий миг единения. Ты даже не представляешь, что теряешь. Это неописуемо. Блисс говорит, что это ощущение радости. Это все равно что говорить о радости, когда наконец выпьешь глоток воды после того, как чуть не умер от жажды. Я не могу даже придумать сравнения. Ты разделяешь все радости, которые миллиард человек испытывают по отдельности. Это не постоянная радость – будь это так, ты бы быстро перестал чувствовать ее. Это пульсирует... мерцает... такой дивный пульсирующий ритм, который не позволяет оторваться. Это большая – нет, не большая –

лучшая радость, чем я когда-либо мог ощущать сам по себе. Мне хотелось плакать, когда она закрывала передо мной двери...

Тревайз покачал головой.

– Ты потрясающе красноречив, мой друг, но это звучит очень похоже на то описание состояния псевдоэндорфинной зависимости или действия других наркотиков, которые дарят краткую радость, за которую приходится потом платить непрекращающимся кошмаром. Это не для меня! Я не собираюсь продавать свою индивидуальность за короткие вспышки радости.

– Я пока свою индивидуальность не потерял, Голан.

– Но надолго ли ты сохранишь ее, если будешь продолжать в том же духе, Дженов? Ты будешь желать еще и еще этого дурмана – до тех пор, пока в конце концов твой мозг не разрушится. Дженов, ты не должен позволять Блисс проделывать такое с тобой. Наверное, лучше мне самому поговорить с ней об этом.

– Нет! Не надо! У тебя не хватит душевного такта, ты же знаешь, а я... я не хочу ее обидеть. Уверяю тебя, она сильнее беспокоится обо мне, чем ты можешь себе вообразить. Ее гораздо сильнее пугает возможность повреждения моего мозга, чем меня, не сомневайся.

– Ну, тогда, Дженов, я бы посоветовал тебе больше не ставить экспериментов. Ты прожил пятьдесят два года, зная другие способы испытывать удовольствие и радость, и твой мозг привык к ним. Не поддайся новому, экзотическому пороку. За это придется расплачиваться, если не сейчас, то потом.

– Но, Голан, – сказал Пелорат тихо, глядя себе под ноги. – Можно на это и так посмотреть. А представь, если бы ты был одноклеточным существом...

– Я понимаю, к чему ты клонишь, Дженов. Забудь это. Блисс и я уже апеллировали к этой аналогии.

– Да, но ты подумай все-таки. Допустим, мы вообразили одноклеточный организм с человеческим уровнем сознания и способностью мыслить. А теперь представь, что ему выпала возможность стать многоклеточным организмом. Не будет ли одноклеточное оплакивать потерю своей индивидуальности и горячо протестовать от мысли о предстоящем насилиственном режиме работы клеток во всем организме? И будет ли оно право? Может ли отдельная клетка даже вообразить, какова мощь человеческого мозга?

Тревайз резко тряхнул головой:

– Нет, Дженов, это порочная аналогия. Одноклеточный организм не может обладать сознанием и всякой способностью мыслить, а если может, то способность эта так бесконечно мала, что ее возможно приравнять к нулю. Для таких существ утрата индивидуальности – это утрата того, чего у них, в сущности, никогда и не было. У человека, однако, есть и должна быть способность мыслить. Он на самом деле обладает сознанием и если теряет его, то теряет свой независимый разум. Так что аналогия – на двоечку.

На некоторое время воцарилось молчание, почти гнетущая тишина, и наконец Пелорат, пытаясь сменить тему разговора, спросил:

– А зачем ты смотришь на экран?

– Привычка, – ответил Тревайз, кисло улыбнувшись. – Компьютер сообщает мне, что нас не преследуют геянские корабли и что сейшеллский флот не вылетел нам навстречу. Так что я смотрю на обзорный экран для самоуспокоения – нет ли где чужих кораблей. Правда, компьютерные сенсоры в сотни раз зорче и чувствительнее моих глаз. Более того, компьютер способен воспринимать некоторые свойства пространства очень тонко – такие свойства, которые мои органы чувств не могут ощутить ни при каких условиях. Знаю и все-таки смотрю.

– Голан, если мы правда друзья... – проговорил Пелорат.

– Обещаю, я не сделаю ничего, что может обидеть Блисс, по крайней мере, насколько позволяют обстоятельства.

– Тогда другой вопрос. Ты скрываешь от меня цель нашего путешествия, словно не доверяешь мне. Куда мы направляемся? Ты думаешь, что знаешь, где находится Земля?

Тревайз взглянул на него, удивленно подняв брови.

– Прости. Похоже, будто я не хочу поделиться с тобой своей тайной?

– Да. Почему?

– И правда, почему? Не кажется ли тебе, друг мой, что все дело в Блисс?

– Блисс? Значит, ты не хочешь, чтобы она знала? Поверь, дружочек, ей можно доверять целиком и полностью.

– Не в этом дело. Что толку что-то скрывать от нее? Уверен, она может выудить любую тайну из моего сознания, если пожелает. Прости, это просто я, наверное, в детство впал. Мне казалось, что ты уделяешь внимание только ей, а я больше для тебя не существую.

– Но это неправда, Голан! – ужаснулся Пелорат.

– Знаю. Просто я пытаюсь понять собственные чувства. Вот ты сейчас пришел ко мне, потому что испугался за нашу дружбу, и теперь, поразмыслив, я понимаю, что у меня были такие же страхи. Я не мог честно признаться себе в этом, но думаю, я чувствовал себя неинтересным тебе из-за Блисс. Возможно, я пытался поквитаться, из каприза скрывая от тебя правду. Да, вышло по-детски.

– Голан!

– По-детски, ну и что? Но покажи мне человека, который время от времени не вел бы себя так? Тем не менее мы друзья. Это решено, значит, я не должен больше играть в эти игры. Мы направляемся на Компореллон.

– Компореллон? – переспросил Пелорат, не сразу вспомнив, о чем речь.

– А ты вспомни моего бывшего приятеля-предателя Мунна Ли Компора. Того самого, которого мы встретили на Сейшельле.

Пелорат облегченно вздохнул:

– Конечно, помню. Он родом с Компореллона.

– Если это правда. Нельзя верить всему, что сказал Компор. Но Компореллон – общеизвестный мир, а Компор говорил, что его обитатели знают о Земле. Вот мы и отправимся туда и наведем справки. Наш визит может ничего не дать, но пока это единственная отправная точка, которая у нас есть.

Пелорат кашлянул и покачал головой:

– Ах, дружочек, ты так думаешь?

– Что тут думать? Есть единственная отправная точка, и, как бы сомнительна она ни была, у нас нет иного пути, кроме как следовать к ней.

– Да, но если мы делаем это, полагаясь на слова Компора, тогда, наверное, следует учесть все, что он сказал. Как я припоминаю, он заявил нам, очень решительно, что Земли как пригодной для жизни планеты больше не существует – ее поверхность радиоактивна и там нет никакой жизни. А если это так, то лететь на Компореллон бессмысленно.

8

Все трое обедали в крохотной столовой, которая с трудом вмещала даже такую небольшую компанию.

– Отлично, – похвалил еду Пелорат. – Это часть наших запасов с Терминуса?

– Нет, что ты, – ответил Тревайз. – Они давно кончились. Это из тех припасов, купленных на Сейшельле до того, как мы направились к Гее. Забавно, не правда ли? Какие-то дары моря. Что же касается этого блюда, я думал, это капуста, когда покупал ее, но на вкус – ничего подобного.

Блисс слушала и помалкивала, брезгливо ковыряясь вилкой в тарелке.

– Ты должна поесть, дорогая, – нежно сказал Пелорат.

– Знаю, Пел, я и ем.

– У нас есть геянская еда, Блисс, – сказал Тревайз с некоторым раздражением.

– Я знаю, – сказала Блисс, – но я предпочитаю приберечь ее. Мы ведь не знаем, как долго будем путешествовать. В конце концов я должна научиться есть пищу изолятов.

– Неужели она так плоха? Или Гея должна есть только Гею?

– Верно, – вздохнула Блисс, – у нас есть поговорка, которая гласит: «Когда Гея ест Гею, никто ничего не теряет и не приобретает». Просто перемещение разума вверх и вниз по шкале. Все, что я ем на Гее, является Геей, и когда большая часть этого усваивается и становится мной – это по-прежнему Гея. При этом в процессе еды часть того, что я ем, имеет возможность стать частью более развитого разума, в то время как другая ее часть превращается в разного рода отбросы и, следовательно, опускается вниз по шкале разума. – Она взяла очередной кусок с тарелки, энергично пожевала его некоторое время, а затем продолжила: – Это – всемирный круговорот. Растения растут и поедаются животными. Животные едят и сами бывают съедены. Любой погибший организм поглощается плесенью, гнилостными бактериями, и так далее – словом, Геей. В этом громадном круговороте сознания участвует даже неорганическая природа, и все обладает возможностью стать частью высокоинтенсивного разума.

– Такое, – возразил Тревайз, – можно сказать о любом мире. Каждый атом во мне имеет долгую историю. Некогда он мог быть частью многих живых существ, включая людей, а когда-то мог быть каплей океанской воды, жить в обломке угля, камня, летать по свету под порывами ветра.

– На Гее, однако, – сказала Блисс, – все атомы являются также неотъемлемыми частицами высшего, планетарного сознания, о котором ты не знаешь ничего.

– Ладно. А что же произойдет с этими сейшельскими овощами, которые ты съела? Станут ли они частью Геи?

– Станут, но очень медленно. И мои испражнения постепенно перестанут быть частью Геи. В конце концов, то, что покидает меня, навсегда теряет связь с Геей. И не участвует даже в менее непосредственном гиперпространственном контакте, который я могу поддерживать с Геей благодаря высокому уровню моего разума. Именно этот гиперпространственный контакт приводит к тому, что негеянская пища становится Геей – очень медленно – после того, как я съем ее.

– Ну а геянская пища в нашей кладовой? Становится ли она постепенно не-Геей? Если так, лучше уж съешь ее, пока не поздно.

– Нет нужды беспокоиться об этом. Наши геянские продукты обработаны таким образом, что могут довольно долгое время оставаться частью Геи.

– А что случится, если мы съедим геянскую пищу? – неожиданно спросил Пелорат. – Мы ведь ели геянскую пищу на Гее. Не превратились ли мы сами постепенно в Гею?

Блисс покачала головой, и необычно тревожное выражение промелькнуло по ее лицу.

– Нет. То, что ели вы, было потеряно для нас. Или, по крайней мере, та часть, что была усвоена вашими организмами, была потеряна для Геи. То, что вы не усвоили, осталось Геей или постепенно стало ею, так что в принципе баланс сохранился, но ряд атомов Геи стал не-Геей в результате вашего визита к нам.

– Это почему? – спросил Тревайз с любопытством.

– Потому что вы не могли бы перенести превращение, даже частичное. Вы были нашими гостями, прибывшими в наш мир поневоле, так сказать, и мы должны были защитить вас от опасности даже ценой потери некоторой части Геи. Это цена, уплаченная нами добровольно, но без особого восторга.

– Искренне сожалеем, – сказал Тревайз, – но ты уверена, что негеянская пища, или какой-нибудь вид негеянской пищи, не может, в свою очередь, повредить *тебе*?

– Нет, – ответила Блисс. – То, что съедобно для тебя, должно быть съедобно и для меня. У меня, безусловно, есть кое-какие трудности в усвоении такой пищи и превращении ее в Гею, как и в мои ткани. Это создает психологический барьер, который слегка портит мне радость от еды и заставляет меня есть медленно, но я преодолею это со временем.

– А как же инфекции? – воскликнул Пелорат в тревоге. – Как же я не подумал об этом раньше, Блисс! В любом мире, где мы приземлимся, наверняка есть микроорганизмы, против которых ты беззащитна. Ты можешь умереть от обыкновенной простуды. Тревайз, мы должны вернуться.

– Не паникуй, Пел, дорогой, – улыбаясь, сказала Блисс. – Микроны тоже ассилируются Геей, проникая в мое тело каким-либо путем. Если окажется, что они приносят вред, они ассилируются быстрее; и как только станут Геей, больше не причинят мне зла.

Трапеза подходила к концу. Пелорат прихлебывал подогретую смесь фруктовых соков со специями.

– Дружочек, – сказал он, облизав губы, – я думаю, пора сменить тему. Похоже, мое единственное занятие на борту этого корабля – смена тем разговоров. Почему бы это?

– Потому что Блисс и я все время вредничаем, – торжественно произнес Тревайз, – о чем бы ни говорили, даже о смерти. Мы зависим от тебя, ты спасаешь нас от безумия. О чем ты хотел поговорить, старина, сменив тему на сей раз?

– Я просмотрел свои справочные материалы по Компореллону. Весь сектор, частью которого он является, богат древними легендами. Они относят свои поселения к довольно давним временам – к первому тысячелетию гиперпространственных путешествий. На Компореллоне толкуют даже о легендарном основателе по имени Бенбелли, хотя не могут точно сказать, откуда он появился. Говорят, что первоначальное название их планеты было «Мир Бенбелли».

– Как ты думаешь, много ли в этом правды, Дженов?

– Как и во всякой легенде – зернышко, да есть.

– Я никогда не слыхал ни о каком Бенбелли, вошедшем в историю. А ты?

– Я тоже. Но ты же знаешь, что в конце Имперской эры отмечалось старательное замалчивание предыmpерской истории. Императоры в последние беспокойные века Империи были озабочены подавлением местного патриотизма, считая его, видимо, фактором, несущим дестабилизацию. Почти в каждом секторе Галактики, следовательно, истинная история с полными записями и точной хронологией существовала лишь с момента его присоединения к тректорианской Империи или аннексии ею.

– Я не подозревал, что историю так легко уничтожить, – сказал Тревайз.

– Далеко не всегда это происходит таким образом, – ответил Пелорат, – однако решительно настроенное и мощное правительство может сильно исказить историю. В таких случаях ранняя история сводится к рассеянным материалам, вырождается в устные предания. Как правило, такие легенды полны преувеличений и стремятся выставить сектор более древним и могущественным, чем он есть. И неважно, насколько наивны некоторые легенды или насколько невероятны описываемые в них события, эти предания становятся предметом патриотизма среди местного населения, верящего в них. Я мог бы показать тебе рассказы из каждого уголка Галактики, в которых говорится о первоначальной колонизации, начавшейся непосредственно с самой Земли, хотя это не всегда то имя, которое дают планете предков.

– Как еще называют ее?

– Как угодно. Иногда они называют ее «Единственной», а временами – «Старейшей». Или зовут ее «Лунным миром», что, согласно некоторым авторитетам, служит упоминанием о ее гигантском спутнике. Другие утверждают, что это означает «Утерянный мир» и что «Лунный» – вариант слова «Утерянный».

– Дженов, остановись! – мягко сказал Тревайз. – Ты можешь без конца цитировать авторитетов и их противников. Ты говоришь, эти легенды повсеместны?

– О да, мой друг. Именно так. Нужно только разобраться в них, для того чтобы понять эту способность человека – начать с малейшего зернышка правды и накручивать вокруг него слой за слоем совершеннейшее вранье – подобно моллюску Rhamopora, который наслаждается жемчугом на обломок камня. Я пришел к этой точнейшей метафоре только тогда, когда...

– Дженов! Погоди! Скажи, а есть ли что-нибудь в компореллонских легендах, что отличает их от других?

– О! – Пелорат бросил отрешенный взгляд на Тревайза. – Отличия? Ну, например, они утверждают, что Земля относительно близка. Это странно. На большинстве планет, где рассказывают о Земле, каким бы именем ее ни называли, есть тенденция туманно указывать ее местоположение – размещая ее бесконечно далеко или вообще, как говорится, в стране «никогда-никогда».

– Ну да, как некоторые сейшельцы, которые говорили нам, что Гея находится в гиперпространстве.

Блисс рассмеялась.

Тревайз бросил на нее быстрый взгляд:

– Честно-честно. Именно так нам и говорили.

– Да нет, я верю. Просто забавно. Мы не хотим, чтобы нам мешали, и вера сейшельцев в недостижимость Геи – то, что нужно. Где бы мы могли быть в большей безопасности, чем в гиперпространстве? И если люди полагают, что мы находимся там, – это почти то же самое, как если бы Гея там и находилась.

– Да, – сказал Тревайз сухо, – и похоже, есть что-то подобное, что заставляет людей полагать, что Земли не существует, или что она безумно далеко, или что ее поверхность радиоактивна.

– За исключением, – отметил Пелорат, – компореллонцев, которые утверждают, что она относительно недалеко от них.

– И тем не менее приписывают ей радиоактивную поверхность. Так или иначе, каждый народ, имеющий легенду о Земле, считает ее недостижимой.

– Более или менее так, – сказал Пелорат.

– Многие на Сейшеле говорили, что Гея недалеко от них. Некоторые даже верно определяли ее звезду, но все считали ее недостижимой. Может оказаться, что некоторые компореллонцы, настаивающие на радиоактивности Земли, смогут указать ее звезду. Тогда мы сумеем добраться до этой планеты, даже если они считают ее недостижимой. Добрались же до Геи.

– Гея хотела принять тебя, Тревайз, – возразила Блисс. – Вы были беспомощны в наших объятиях, но мы не думали причинять вам зла. Но что, если Земля столь же могущественна, но не благосклонна? Что тогда?

– Я должен все равно попытаться достичь ее и готов к любым последствиям. Однако это моя проблема. Как только я найду Землю и решу направиться к ней, вам будет еще не поздно покинуть корабль. Я высаджу вас на ближайшей планете Академии или доставлю обратно на Гею, если пожелаете, а затем отправлюсь к Земле один.

– Дружочек, – с укором проговорил Пелорат, – не говори так. Я не хочу расставаться с тобой.

– А я – с Пелом, – сказала Блисс, нежно коснувшись рукой щеки Пелората.

– Ну что ж, хорошо. Вскоре мы будем готовы к Прыжку на Компореллон, а затем, надеюсь, и к Земле.

Часть II Компореллон

Глава 3 На орбитальной станции

9

– Тревайз сказал тебе, что мы в любой момент должны быть готовы к Прыжку и полету через гиперпространство? – спросила Блисс, зайдя в каюту.

Пелорат оторвался от дисплея и взглянул на нее.

– Да, он только что заглянул и предупредил: «в течение получаса».

– Мне так неприятно, Пел. Терпеть не могу Прыжки. Будто меня наизнанку выворачивает.

Пелорат выглядел слегка удивленным.

– Вот уж не думал, что ты – космический путешественник, Блисс, дорогая.

– Я не так уж опыта и не столь самостоятельна. У Геи не было причин для регулярных космических полетов. По своей природе я/мы/Гея не нуждаемся в исследованиях, торговле и других связях через пространство. Но остается необходимость кому-то дежурить на орбитальных станциях…

– Как тогда, когда мы имели счастье встретиться с тобой?

– Да, Пел. – Она нежно улыбнулась ему. – Но иногда приходится посещать Сейшелл и другие звездные системы с разными целями, как правило, тайно. Но, как бы то ни было, Прыжки делать приходится, и, конечно, когда любая часть Геи совершает Прыжок, вся Гея чувствует это.

– Наверное, это не слишком приятно, – посочувствовал Пел.

– Могло быть и хуже. Большая часть Геи *не* участвует в Прыжке, так что ощущения получаются, так сказать, разбавленными. Однако я, похоже, более чувствительно воспринимаю Прыжки, чем большая часть Геи. Я уже пыталась объяснить Тревайзу, хотя все на Гее – Гея, отдельные компоненты неидентичны. У нас есть различия, и я по каким-то причинам особенно чувствительна к Прыжкам.

– Постой, – сказал Пелорат, внезапно припомниая, – Тревайз объяснял мне однажды. Это в обычных кораблях ты испытываешь ужасные ощущения. В обычных кораблях ты покидаешь Галактическое гравитационное поле при входе в гиперпространство и возвращаешься в него, выходя в обычное пространство. Именно уход и возвращение приводят к таким ощущениям. Но «Далекая Звезда» – гравитационный корабль. Он не зависит от гравитационного поля и, собственно говоря, не покидает его и не возвращается в него. По этой причине мы не почувствуем ровным счетом ничего. Поверь моему опыту.

– Но это просто замечательно. Как жаль, что я не додумалась сказать тебе об этом раньше. Не пришлось бы мучиться и переживать.

– У нашего корабля есть и другое преимущество, – продолжал Пелорат, взяв на себя необычную роль крупного специалиста по вопросам астронавтики. – Обычные корабли в обычном пространстве должны удалиться от объектов с крупной массой, типа звезд, на довольно большое расстояние, для того чтобы произвести Прыжок. Отчасти потому, что чем больше

интенсивность гравитационного поля звезды, тем болезненнее ощущения от Прыжка, отчасти потому, что чем сильнее гравитационное поле, тем сложнее системы уравнений, от решения которых зависит безопасность Прыжка и определение точки выхода в обычное пространство. На гравитационном судне, однако, отсутствуют, как я уже сказал, любые ощущения Прыжка. К тому же корабль снабжен компьютером, который по совершенству значительно превосходит обычные и может решать сложнейшие уравнения с необычайным умением и быстротой. В итоге, вместо того чтобы улетать от звезды пару недель только из-за необходимости выбора безопасной и удобной для Прыжка дистанции, «Далекая Звезда» проделывает это всего за два-три дня.

– Это прекрасно, – сказала Блисс. – Трев молодец, может управлять таким необыкновенным кораблем.

Пелорат едва заметно нахмурился:

– Пожалуйста, Блисс, зови его Тревайз.

– Да, да. Его здесь нет, и я немножко забылась.

– Не стоит. Пусть это войдет у тебя в привычку, милая. Ему не нравится, когда…

– Дело не в имени. Ему не нравлюсь я.

– Это неправда, – горячо возразил Пелорат. – Я говорил с ним о тебе. Подожди, подожди, не хмурься. Я был осторожен и вежлив, детка. Он уверил меня, что дело не в том, что ты ему не нравишься. Он с сомнением относится к Гее и удручен тем, что был вынужден назвать ее будущим человечества. Мы должны считаться с этим. Он наверняка передумает, по мере того как со временем осознает преимущества Геи.

– Надеюсь, что так и будет, но дело не только в Гее. Что бы он тебе ни говорил, Пел, не забывай, что он очень привязан к тебе и не хочет делать тебе больно – он не любит меня.

– Нет, Блисс. У него нет для этого никаких причин.

– Меня не обязаны любить все только потому, что любишь ты, Пел. Дело в том, что Трев, то есть Тревайз, думает, что я робот.

Пелорат необычайно изумился.

– Не может быть. Искусственное человеческое существо? Не может быть!

– Почему ты так удивлен? Гея была создана при помощи роботов. Это общеизвестный факт.

– Роботы могли помогать людям, как могут помогать машины, но Гею основали *люди*, люди с Земли. Именно так думает Тревайз. Я точно знаю.

– Но в памяти Геи нет ничего о Земле, я так и сказала тебе и Тревайзу. Однако в древнейших воспоминаниях есть роботы, работающие даже спустя три тысячи лет над задачей превращения Геи в обитаемый мир. В то же время мы формировали Гею как планетарное сознание. Это отнимало много времени, Пел, милый, и стало еще одной причиной того, почему наши ранние воспоминания смутны, и, возможно, дело тут вовсе не во вмешательстве Земли и уничтожении упоминаний о себе. Тревайз…

– Послушай, Блисс, – сказал озабоченно Пелорат, – но куда же девались роботы?

– Когда создание Геи завершилось, роботы ушли. Мы не хотели, чтобы они оставались на Гее, чтобы стали ее частицами. Мы были убеждены и остаемся при этом мнении сейчас, что длительное присутствие роботов вредно для человеческого общества независимо от того, изоляты люди или планетары. Я не знаю, откуда взялось такое утверждение, но возможно, что оно имеет в своей основе события, датирующиеся очень ранними временами галактической истории, а память Геи не простирается так далеко в прошлое.

– Но если роботы ушли…

– А вдруг некоторые остались? Вдруг я – одна из них? Вдруг мне пятнадцать тысяч лет? Тревайз так думает.

Пелорат обескураженно покачал головой:

- Но ведь это не так.
- А ты в этом уверен?
- Конечно, уверен. Ты не робот.
- Откуда ты знаешь?
- Блисс, я знаю. В тебе нет ничего искусственного. Если уж я не знаю ничего такого, то и никто не знает.
- Но разве не может быть так, что абсолютно во всем, от общего облика до мельчайших подробностей, я неотличима от настоящего человека? Если я такова, как ты сможешь найти различие между мной и настоящим человеком?
- Не думаю, чтобы ты могла быть столь мастерски изготовлена.
- Ну, а если это *было* возможно, несмотря на то что ты думаешь?
- Я просто не могу поверить.
- Тогда посмотри на это как на гипотезу. Если бы я была неотличимым от человека роботом, как бы ты к этому отнесся?
- Ну, я... я...
- Ну, еще точнее. Допустим, занимался любовью с роботом? Что скажешь?
- Пелорат неожиданно щелкнул пальцами.
- А знаешь, есть такие легенды – о женщине, влюбившейся в искусственного мужчину, и... и наоборот. Я-то думал, что это всего лишь аллегория, и никогда не мог вообразить, что эти истории могут иметь отношение к правде. Ни Голан, ни я даже не слышали слова «робот» до тех пор, пока не оказались на Сейшелле, но теперь я понимаю, что упоминаемые в легендах искусственные мужчина и женщина наверняка и были роботами. По-видимому, такие роботы действительно существовали в древние времена. Это означает, что отношение к таким легендам как к вымыслу должно быть пересмотрено...
- Он внезапно умолк и, когда Блисс резко хлопнула в ладоши, испуганно вздрогнул.
- Пел, дорогой, ты углубился в мифологию, чтобы уйти от ответа. Я повторяю: как бы ты отнесся к тому, чтобы заниматься любовью с роботом?
- Пелорат обескураженно посмотрел на нее.
- Совсем-совсем неотличимым роботом? Таким, что похож на человека как две капли воды?
- Да.
- Ну... тогда я скажу так: робот, который неотличим от человека, является человеком. Если бы ты даже и была таким роботом, для меня ты все равно останешься человеком.
- Именно это я и хотела от тебя услышать, Пел.
- Пелорат немного помолчал и спросил:
- Ну, а теперь, дорогая, может быть, ты скажешь, что ты – настоящий человек и мне не нужно решать эту гипотетическую проблему?
- Нет. Не скажу. Ты определил настоящего человека как объект, имеющий все свойства человеческого существа. Если тебя устраивает то, что я обладаю всеми этими свойствами, тогда дискуссия окончена. Мы пришли к рабочему определению и не нуждаемся в ином. Кроме всего прочего, как я могу узнать, что ты, например, не робот, которому посчастливилось оказаться неотличимым от человека?
- Но я же сказал тебе, что я не робот.
- О, но если бы ты был таким роботом, то мог бы быть устроен так, чтобы утверждать, будто ты – настоящий человек, и мог бы даже быть запрограммирован на веру в это утверждение. Рабочее определение – вот все, что у нас есть, и все, что у нас *может* быть.
- Она обвила шею Пелората руками и поцеловала его. Поцелуй становился все более страстным и продолжался, пока Пелорат не оторвался от губ Блисс и не сказал вполголоса:
- Мы обещали Тревайзу не смущать его, превращая полет в свадебное путешествие.

– Давай не будем думать об этих обещаниях, – умоляюще проговорила Блисс.

– Не могу, дорогая, – покачал головой Пелорат. – Знаю, это обидит тебя, Блисс, но я все время думаю… Словом, я не могу позволить эмоциям захватить меня целиком. Эта черта характера развивалась во мне всю мою жизнь и, вероятно, досаждает окружающим. Я никогда не жил бы с женщиной, которая бы начинала возражать против этого рано или поздно. Моя первая жена… но я полагаю, что это не совсем подходящая тема для разговора…

– Да, не очень-то, но… Впрочем, ты не первый мой любовник.

– О! – сказал Пелорат в замешательстве, но затем, заметив добрую улыбку Блисс, продолжил: – Я хочу сказать, что все понимаю. Конечно, нет. Я даже не задумывался, какой я у тебя по счету. Все равно моя первая жена этого терпеть не могла.

– А я – наоборот. Ты мне очень нравишься такой… задумчивый.

– Не могу поверить. Но я о другом. Робот или человек – неважно. Тут мы согласны. Однако я изолят, и ты знаешь это. Я не часть Геи, и, когда мы ласкаем друг друга, ты разделяешь чувства с не-Геей. Даже когда ты позволяешь мне стать частью Геи на краткий миг, это не могут быть столь же сильные эмоции, какие ты испытываешь, когда Гея любит Гею.

– Любить тебя, Пел, – в этом есть своя прелест. Я не заглядываю дальше в будущее.

– Но это ведь не только твое дело, что ты любишь меня. Ты – это не только ты. Что, если Гея сочтет подобное поведение извращением?

– Если бы дело обстояло так, я бы знала: ведь я – Гея. А так как мне приятно быть с тобой, Гея это тоже приятно. Когда мы занимаемся любовью, вся Гея разделяет мои ощущения в той или иной степени. Когда я говорю, что я люблю тебя, это означает, что Гея любит тебя, хотя только одна ее часть, которую я собой представляю, принимает в этом непосредственное участие. Ты смущен?

– Я изолят, Блисс, и не совсем улавливаю смысл всего этого.

– Можно представить это в виде аналогии с телом изолята. Когда ты насвистываешь мелодию, все твое тело, весь твой организм хотел бы свистеть, но непосредственная задача производить звуки доверена твоим губам, языку и легким. Твой правый большой палец в этом не участвует, верно?

– Он может отстукивать ритм.

– Но это не нужно для свиста. Отстукивание ритма – не само действие, но отклик на действие, и, наверное, все части Геи могут откликнуться так или иначе на мои эмоции, как я откликаюсь на твои.

– Значит, мне не стоит мучиться и смущаться?

– Конечно, нет.

– Но у меня все равно какое-то странное чувство ответственности. Когда я пытаюсь доставить тебе счастье, то, оказывается, должен осчастливить распоследний организм на Гее.

– Распоследний атом, если точнее, но ты так и делаешь. Ты добавляешь к чувству общей радости то, что я позволяю тебе ненадолго разделить со мной. Я полагаю, твой вклад слишком мал, для того чтобы его легко было измерить, но он есть, и знание этого должно усилить твою радость.

– Эх, знать бы наверняка, что Голан погружен в маневрирование в гиперпространстве и еще в рубке.

– Хочешь устроить медовый месяц?

– Верно.

– Тогда возьми лист бумаги и напиши: «Медовый месяц, не беспокоить!» Прикрепи его снаружи на двери, и если он захочет войти, то это его проблема.

Пелорат так и сделал, и все дальнейшее происходило уже во время совершения Прыжка. Но ни Пелорат, ни Блисс не заметили при этом ничего необычного, да и не смогли бы заметить, даже если бы и очень старались.

10

Всего лишь несколько месяцев прошло с того времени, когда Пелорат познакомился с Тревайзом и впервые в жизни покинул Терминус. До той поры, больше пятидесяти лет (галактических стандартных лет), он не расставался с родной планетой.

Думая о себе, он считал, что стал за эти месяцы старым космическим волком. Он повидал из космоса уже три планеты: сам Терминус, Сейшell и Гею. А сейчас на обзорном экране он видел четвертую, правда, пока через компьютерную телескопическую установку. Этой планетой был Компореллон.

И вновь, уже в четвертый раз, Дженоу был немного разочарован. Несмотря ни на что, он все еще ожидал, что, глядя на обитаемую планету из космоса, можно увидеть очертания ее континентов, окруженных морем, или, если это относительно безводная планета, очертания ее озер, окруженных сушей.

И никогда не видел ничего подобного.

Если планета была обитаема, она имела как атмосферу, так и гидросферу, а если там были вода и воздух – были и облака, заслонявшие обзор. И теперь Пелорат, глядя вниз, наблюдал лишь белые клочья туч с бледно-голубыми или ржаво-коричневыми проблесками.

Он удивлялся, как можно идентифицировать планету, наблюдая ее с расстояния в триста тысяч километров. Как можно отличить одно скопление облаков от другого?

Блисс взглянула на Пелората с некоторым недоумением:

– Что с тобой, Пел? У тебя такой огорченный вид.

– Думаю о том, что все планеты из космоса выглядят одинаково.

– Что ж из того, Дженоу? – спросил Тревайз. – Любые побережья на Терминусе выглядят совершенно одинаково, пока они едва видны на горизонте, до тех пор пока ты не отыщешь какую-нибудь необычную горную вершину или прибрежный островок характерной формы.

– Наверное, – с явным неудовлетворением проговорил Пелорат, – но что можно высмотреть в массе несущихся облаков? И даже если попытаешься, то, прежде чем сможешь что-то разглядеть, наверняка уже окажешься надочной стороной.

– А ты приглядись получше, Дженоу. Если рассмотришь внимательно облачный покров, то увидишь, что облака стремятся сложиться в узор, покрывающий всю планету, и этот узор движется вокруг центра. А центр находится, как правило, поблизости от одного из полюсов.

– Какого из них? – с интересом спросила Блисс.

– Так как, с нашей точки зрения, планета вращается по часовой стрелке, мы смотрим, по определению, на южный полюс. Центр здесь смешен примерно на пятнадцать градусов от терминатора – планетарной линии тени, – и ось вращения планеты наклонена на двадцать один градус от перпендикуляра к плоскости вращения, значит, мы либо в середине весны, либо в середине лета. Компьютер может вычислить орбиту и сообщить мне краткие данные, если я попрошу его. Столица находится в северном полушарии, так что там середина осени или зимы.

Пелорат нахмурился.

– Ты можешь определить все это?

Он смотрел на слой облаков, словно ожидая, что они могут поведать нечто подобное и ему, но этого, конечно, не произошло.

– Да, и не только это, – кивнул Тревайз. – Если посмотришь на полярные области, то увидишь, что здесь нет разрывов в облачном слое, в отличие от областей, удаленных от полюсов. На самом деле здесь заметны разрывы, но сквозь них ты видишь лед, то есть белое на белом.

– О! – воскликнул Пелорат. – А я думал, так должно быть только на полюсах.

– На обитаемых планетах, безусловно. Безжизненные планеты могут быть безвоздушными или безводными, а могут иметь характерные признаки, указывающие, что их облака

состоят не из водяного пара, а лед состоит не из воды. На этой планете такие признаки отсутствуют, так что мы можем быть уверены, что здешние облака насыщены водой и лед состоит из нее. Кроме того, можно отметить размер области сплошной белизны на дневной стороне терминатора, и наметанный глаз определит, что она больше средней. Затем можно различить явственный оранжевый отблеск (хотя и довольно слабый) отраженного света, и это означает, что солнце Компореллона существенно холоднее солнца Терминуса. Хотя Компореллон ближе к своей звезде, чем Терминус к своей, но близок не настолько, чтобы компенсировать ее более низкую температуру. Следовательно, Компореллон – холодный мир, хотя и обитаемый.

– Ты, дружочек, читаешь планету как книгу! – восхищенно проговорил Пелорат.

– Не обольщайся, – улыбнулся Тревайз. – Компьютер выдает мне запрошенные статистические данные о планете, включая и сведения о немного пониженней средней температуре. А из этого легко вывести остальные параметры. Фактически Компореллон находится в преддверии ледникового периода и уже переживал бы его, если бы конфигурация его континентов более соответствовала этим условиям.

Блисс прикусила губу.

– Мне не нравятся холодные планеты.

– У нас есть теплая одежда, – ответил Тревайз.

– Это не имеет значения. Люди по своей природе не адаптированы к холодной погоде. У нас нет ни теплой шкуры, ни перьев, ни подкожного жира. Холодные планеты, видимо, совершенно равнодушны к благополучию своих составных частей.

– Разве Гея однородно теплый мир?

– По большей части, да. Там есть холодные области для холодолюбивых растений и животных, есть жаркие – для теплолюбивых, но большая ее часть – теплая, где никогда не бывает чрезмерно жарко или холодно, – там живут все остальные, включая людей.

– Ну да, включая людей. Все части Геи равны, но некоторые, вроде людей, видимо, более равны, чем другие.

– Не язви. Это глупо, – сердито сказала Блисс. – Важны только уровень и мощность сознания и разума. Человек – более полезная часть Геи, чем камень той же массы; и свойства, и функции Геи как целого, естественно, смешены в направлении удовлетворения потребностей людей, но не настолько, однако, как на планетах, где обитают изоляты. Более того, бывают периоды, когда функции смешены в другую сторону – когда это необходимо Гее в целом. Не исключено их смещение на длительный период в сторону удовлетворения потребностей горных массивов. Иначе, в случае пренебрежения их потребностями, все части Геи могут пострадать. Нам ведь ни к чему неожиданные извержения вулкана, не правда ли?

– Нет, – согласился Тревайз, – и ожидаемые тоже, на мой взгляд.

– Я тебя не убедила, похоже?

– Пойми, – сказал Тревайз. – У нас есть планеты холоднее среднего и теплее; планеты, где широко раскинулись тропические леса; планеты – сплошные саванны. Нет двух одинаковых, но каждая из них – дом для тех, кто там живет. Я привык к относительной теплоте Терминуса – мы укротили его погоду почти так же, как вы на Гее, но мне нравится время от времени менять обстановку. Что у нас есть, Блисс, и чего нет у Геи – это разнообразие. Если Гея разрастется до Галаксии, не будет ли каждый мир превращен в теплицу? Однообразие может стать поистине непереносимым.

– Если случится такое и если кто-то пожелает разнообразия, оно может быть запрограммировано.

– В качестве подарочка от мозгового центра, так сказать? – ехидно спросил Тревайз. – И ровно столько, чтобы не подумали отделиться? Уж лучше оставить все как было.

– Но ведь вы сами не оставляете все как было? Каждая обитаемая планета в Галактике подверглась переделке. До колонизации все они были в первозданном состоянии, которое не

устраивало людей, и в итоге все планеты переделывали под себя, на свой вкус. Если этот мир холоден, то лишь потому, уверена, что его обитатели не могут согреть его сильнее без больших, непомерных затрат. И даже если так, значит, те области, которые заселены, наверняка искусственно подогреваются в холодные периоды. Так что не стоит восхвалять свои добродетели, говоря о сохранении первозданности миров.

– Ты говоришь от имени Геи, я полагаю.

– Я всегда говорю от имени Геи. Я – Гея.

– Тогда, раз Гея так уверена в своем совершенстве, на что вам сдалось мое решение? Почему вы не можете обойтись без меня?

Блисс помолчала, словно собираясь с мыслями. Затем сказала:

– Потому что глупо и безрассудно чрезмерно доверять самим себе. Мы, конечно, видим свои добродетели более ясно, чем пороки. Мы думаем о том, верно ли то, что мы делаем. Не то, что кажется нам правильным, а то, что объективно правильно, если такое понятие, как объективная истина, существует. Ты оказался наилучшим проводником к объективной истине, какого мы смогли найти. Так что ты указываешь нам путь.

– Объективная истина в том, – печально сказал Тревайз, – что я сам не понимаю сути своего решения и ищу ему оправдание.

– Ты найдешь его.

– Надеюсь.

– Знаешь, дружочек, – вставил Пелорат, – мне кажется, что в последнем споре выиграла Блисс. Почему бы тебе не признаться в том, что ее аргументы оправдывают твое решение: Гея – будущее человечества?

– Потому что, – резко сказал Тревайз, – я понятия не имел об этих аргументах в то время, когда принимал решение. Я не знал ничего такого о Гее. Что-то еще влияло на меня, по крайней мере, подсознательно, что-то, что не зависело от знаний о Гее. Должно было быть что-то гораздо более важное. Именно это я должен отыскать и понять.

– Не горячись, Голан, – успокаивающе поднял руку Пелорат.

– Я не горячусь. Я просто вне себя. Я не желаю взваливать на себя всю Галактику.

– Я не виню тебя за это, Тревайз, – сказала Блисс, – но и я не виновата, что у тебя такой характер. Когда мы сможем опуститься на Компореллон?

– Через три дня, – ответил Тревайз, – и только после стоянки на одной из орбитальных станций.

– С этим не будет никаких проблем? – спросил Пелорат.

Тревайз пожал плечами.

– Это зависит от количества кораблей, прибывающих на планету, числа орбитальных станций приема, а главным образом, от особенностей правил, регламентирующих доступ в этот мир. Может, сюда вообще запрещено приземляться.

– То есть как это? – негодующе спросил Пелорат. – Как они могут не пустить к себе граждан Академии? Разве Компореллон не доминион Академии?

– И да, и нет. Это деликатный правовой вопрос, и я точно не знаю, как Компореллон интерпретирует его. Не исключена такая возможность, что посадка будет нам запрещена, но вряд ли.

– А если запретят, что будем делать?

– Что толку гадать, – пожал плечами Тревайз. – Подождем, поглядим. Не стоит ломать голову и строить поспешные планы.

11

Теперь они находились достаточно близко от Компореллона, и планета была видна без телескопического увеличения. Однако, когда такое увеличение включили, стали видны орбитальные станции. Они располагались на большем удалении от планеты, чем другие орбитальные объекты, и были хорошо освещены.

Подлетая к Компореллону, подобно «Далекой Звезде», со стороны южного полюса планеты можно было заметить, что половина этих станций постоянно освещена солнцем. Орбитальные станции наочной стороне были видны, естественно, более отчетливо – вспышки света, равномерно расположенные по дуге вокруг планеты. Шесть из них были ясно различимы (остальные шесть находились с дневной стороны) и все кружили вокруг планеты с одинаковой скоростью.

– А другие огоньки, ближе к планете? Что это? – спросил Пелорат, испытывая нечто вроде благоговения при виде такого зрелища.

– Я не так хорошо знаю эту планету, так что не могу поручиться за точность, – сказал Тревайз. – Может быть, это орбитальные заводы, лаборатории, обсерватории или даже обитаемые города-спутники. Некоторые планеты предпочитают держать все орбитальные объекты на теневой стороне, за исключением станций. Как на Терминусе, к примеру. Компореллон, очевидно, придерживается более свободных принципов.

– А к какой станции мы направимся, Голан?

– Это зависит от хозяев. Я послал запрос о посадке на Компореллон, и мы, вероятно, вскоре получим указания, к какой станции нам лететь и когда. Многое зависит от того, сколько прибывших кораблей хотят в данный момент приземлиться. Если к каждой станции стоит в очередь дюжина кораблей, у нас нет другого выбора, кроме как терпеть и ждать.

– Раньше я всего дважды удалялась на расстояние Прыжка от Геи, и оба раза вблизи Сейшелла. Но так далеко никогда не бывала, – проговорила Блисс.

Тревайз пристально посмотрел на нее.

– Это имеет значение? Ты все еще Гея, не так ли?

На мгновение Блисс нахмурилась, но затем немного смущенно улыбнулась.

– Сейчас ты подловил меня, Тревайз, что да, то да. У слова «Гея» – двойное значение. Оно может быть использовано для обозначения планеты как твердого сферического объекта в космосе. Также можно использовать его и для обозначения живого объекта, входящего частью в эту сферу. Честно говоря, мы вынуждены пользоваться одним словом для этих двух различных понятий, но геянцы обычно понимают из контекста, о чем речь. Я вполне допускаю, что временами изоляты могут быть озадачены из-за таких разнотечений.

– Ну, в таком случае поставим вопрос так, – сказал Тревайз, – сейчас ты находишься в тысячах парсеков от Геи как сферы; остаешься ли ты при этом все еще частью планетарного организма Геи?

– Если речь об организме, я все еще Гея.

– Без ослабления связи с ней?

– Без особо существенного. Я ведь уже говорила тебе: существует некоторая сложность в том, чтобы оставаться Геей, поддерживая связь с ней через гиперпространство; но я остаюсь ею.

– А тебе не приходило в голову, – спросил Тревайз, – что Гею можно представить в виде Галактического Krakena – мифического монстра, чьи длинные щупальца раскинуты во все стороны? Вам вполне достаточно лишь заслать по нескольку геянцев на каждую из населенных планет – вот вам Галаксия, и притом прямо сейчас. Собственно говоря, вы скорее всего этим не

брезгуете. Куда уже засланы геянцы? Наверняка пара-тройка есть на Терминусе и на Тренторе не меньше. Как далеко это зашло?

Блисс явно чувствовала себя неловко.

– Я сказала, что не могу лгать тебе, Тревайз, но это не значит, что я чувствую себя обязанной выкладывать всю правду. Есть вещи, которые тебе знать ни к чему. В том числе – местонахождение и приметы отдельных представителей Геи.

– Могу я хотя бы узнать, зачем они нужны, эти шупальца, Блисс, не зная, куда они тянутся?

– По мнению Геи, ты не должен этого знать.

– Не должен знать! Ну-ну. Догадаться нетрудно. Вы небось считаете себя хранителями Галактики?

– Мы заботимся о покое и безопасности Галактики, Галактики мирной и процветающей. План, разработанный Гэри Селдоном, предназначен для создания Второй Галактической Империи, более устойчивой и жизнеспособной, чем Первая. План, постоянно совершенствуемый Второй Академией, неплохо работает до сих пор.

– Но если откровенно, Гея не стремится к созданию Второй Галактической Империи, верно? Вы хотите создать Галаксию – живую Галактику.

– Если ты согласишься на это, мы надеемся со временем создать Галаксию. Если ты откажешься, мы поможем созданию Второй Галактической Империи, Империи Селдона, и обеспечим ее безопасность насколько сумеем.

– Но что плохого… – Тут до слуха Тревайза донеслась тихая трель сигнала. – Компьютер зовет, – объяснил Тревайз. – Скорее всего получены указания насчет подлета к станции. Я быстренько.

Голан вошел в рубку, положил ладони на контуры на пульте и обнаружил, что и *в самом деле* направление на определенную орбитальную станцию получено. Тревайз начал сближение по предписанной траектории подлета.

Подтвердив получение сообщения, Тревайз откинулся на спинку кресла и задумался.

План Селдона! Он так давно не думал о нем… Первая Галактическая Империя распалась, за пятьсот лет выросла и развилась Академия, сперва – в состязании с Империей, потом – на ее руинах, и все в соответствии с Планом.

Произошла, правда, заминка из-за Мула, который грозил разбить План вдребезги, но Академия одолела и его – не исключено, что с помощью вечно потаенной Второй Академии, а может, и с помощью еще более потаенной Геи.

Теперь Плану грозило нечто пострашнее Мула. История отклонялась от обновления Империи к чему-то совершенно непохожему на все известное ранее – Галаксию. И он сам согласился на это.

Но почему? Был ли в Плане изъян? В самых его основах?

На один-единственный, молнией промелькнувший момент Тревайзу показалось, что этот изъян действительно существует, что он знает, в чем этот изъян, знал, когда принимал решение, – но знание… или иллюзия его… исчезло так же быстро, как и пришло, и оставило наедине с пустотой.

Возможно, все это всегда было только иллюзией; и тогда, когда он принял решение, и сейчас. Ведь, честно говоря, он не знал почти ничего о Плане, не считая основных положений, которые стали краеугольными камнями психоистории. Подробности ему были неведомы, не говоря уже о математических тонкостях.

Он закрыл глаза и сосредоточился.

Ничего не вышло.

Может, компьютер поможет? Тревайз положил руки на пульт и ощутил тепло от соприкосновения с компьютером. Он закрыл глаза и снова сосредоточился.

И снова ничего не вышло.

12

Компореллонец, прибывший на борт корабля, предъявил голограммическую идентификационную карточку. На ней его округлое, с короткой бородкой лицо было передано с потрясающей точностью. Внизу стояло имя: А. Кендрей.

Он был невысокого роста. Вся фигура у него была такая же округлая, как физиономия. Глаза его глядели весело, вел он себя обходительно, а корабль осматривал с нескрываемым удивлением.

— Как это вам удалось так быстро снизиться? Мы ожидали вас не раньше, чем через два часа.

— Корабль новой модели, — дипломатично ответил Тревайз.

Однако Кендрей только с виду казался невежественным юнцом. Войдя в рубку, он поинтересовался:

— Гравитационный?

Тревайз не видел смысла отнекиваться и небрежно кивнул:

— Да.

— Очень интересно. Слышать слышали, а видеть как-то не доводилось. Двигатели в обшивке?

— Попали в точку.

Кендрей взглянул на компьютер.

— Системы компьютера тоже?

— Да. По крайней мере, мне так говорили. Сам я их никогда не видел.

— Ну да. Будьте добры, я должен взглянуть на судовую документацию: номера двигателей, место производства, идентификационный код и все такое прочее. Уверен — у вас загнано все это в компьютер. Чистая формальность, на полсекунды.

Но процедура заняла гораздо больше времени. Кендрей оглянулся и спросил:

— На борту три человека?

— Да.

— Какие-нибудь животные? Растения? Состояние здоровья?

— Нет. Нет. Хорошее, — отчетливо отвечал Тревайз.

— Угу, — сказал Кендрей, делая пометки. — Не будете ли вы столь любезны приложить сюда вашу руку? Чистая формальность. Правую руку, пожалуйста.

Тревайз взглянул на прибор без особой радости. Он использовался все более и более широко и быстро совершенствовался. Об отсталости планеты можно было теперь запросто судить по качеству микродетектора. В нескольких новых мирах, совсем отсталых, их вообще не имели. Начало этому было положено во времена окончательного распада Империи, когда каждый ее осколок стал проявлять все более растущую озабоченность в самозащите от инфекций и чуждых микроорганизмов.

— Что это? — тихо, но с любопытством спросила Блисс, наклонившись над прибором и оглядев его со всех сторон.

— Микродетектор, — сказал Пелорат, — наверное, так он называется.

— Ничего загадочного, — добавил Тревайз. — Он автоматически проверяет кусочек вашего тела, изнутри и снаружи, на присутствие микроорганизмов, способных вызывать болезни.

— Он способен также классифицировать микроорганизмы, — уточнил Кендрей с нескрываемой гордостью. — Он разработан здесь, на Компореллоне. Если вы не против, я все еще в ожидании.

Тревайз протянул правую руку и стал смотреть, как серия маленьких красных точек затащевала вдоль ряда горизонтальных линий. Кендрей прикоснулся к кнопке, из прибора выпала цветная копия этой картинки.

– Будьте добры подписать здесь, сэр, – сказал он.

Тревайз подписал.

– Ну как? – спросил он. – Надеюсь, я не слишком опасен?

– Я не физиолог, так что не могу сказать точно, но отметок, при наличии которых вы должны быть отправлены назад или поставлены на карантин, я не вижу. Это все, что меня интересовало.

– Просто подарок судьбы, – сухо сказал Тревайз, тряхнув затекшей рукой.

– Теперь вы, сэр.

Пелорат сунул руку в щель детектора немного боязливо, а затем подписал копию.

– Вы, мэм?

Спустя мгновение Кендрей, глядя на результат, ошеломленно проговорил:

– Никогда не видел ничего подобного… – Он восхищенно взглянул на Блисс. – Все анализы отрицательны! Все до одного!

Блисс очаровательно улыбнулась:

– Как замечательно!

– Да, мэм. Я завидую вам. – Он снова взглянул на первую копию. – Вашу идентификационную карточку, мистер Тревайз.

Тревайз протянул ему карточку. Кендрей заглянул в нее и удивленно посмотрел на Тревайза:

– Советник Магистратуры Терминуса?

– Совершенно верно.

– Высокопоставленный чиновник Академии?

– Совершенно верно, – холодно сказал Тревайз. – Если позволите, давайте побыстрее закончим.

– Вы капитан корабля?

– Да, я.

– Цель визита?

– Безопасность Академии – вот все, что я могу вам ответить. Надеюсь, это ясно.

– Да, сэр. Как долго вы намерены здесь пробыть?

– Не знаю. Возможно, неделю.

– Очень хорошо, сэр. А другой джентльмен?

– Это доктор Дженов Пелорат. У вас есть его подпись, и я ручаюсь за него. Он ученый с Терминуса и мой помощник в том деле, ради которого я здесь.

– Я понимаю, сэр, но я должен посмотреть его идентификационную карточку. Закон есть закон, увы. Надеюсь, вы меня понимаете, сэр.

Пелорат протянул свой документ.

Кендрей кивнул.

– А вы, мисс?

Тревайз сказал тихо:

– Нет нужды беспокоить леди. Я ручаюсь и за нее тоже.

– Да, сэр, но мне нужна идентификационная карточка.

– Я сожалею, но у меня нет никаких документов, сэр, – сказала Блисс.

Кендрей нахмурился:

– Прошу прощения!

– Эта юная леди не успела ничего взять с собой. По оплошности. С ней все в порядке.

Тут я несу полную ответственность.

— Я хотел бы позволить вам это, но не могу. Ответственность здесь несу я. Но это не так уж важно. Получить дубликат несложно. Юная мисс, я полагаю, с Терминуса?

— Нет.

— Но хотя бы с территории Академии?

— Нет.

Кендрей пристально посмотрел на Блисс, затем на Тревайза.

— Это усложняет дело, Советник. Получение дубликатов с планеты, не входящей в пределы владений Академии, потребует дополнительного времени. Мисс Блисс, назовите планету, откуда вы родом, и мир, гражданкой которого вы являетесь. Затем придется ждать получения дубликата идентификационной карточки.

— Погодите, мистер Кендрей, — сказал Тревайз. — Я не вижу причин для задержки. Я высокопоставленный чиновник Академии и здесь с миссией огромной важности. Меня не должна задерживать бумажная рутинा.

— Я не виноват, Советник. Если бы это зависело от меня, я позволил бы вам опуститься на Компореллон прямо сейчас, но надо мной висит толстенный свод правил. Я должен поступать согласно этому своду, или он обрушится на меня. Наверное, на Компореллоне вас ожидает важная персона. Если вы скажете мне, кто это, я свяжусь с этим человеком, и если мне прикажут пропустить вас, я так и сделаю.

Тревайз мгновение помедлил.

— Это будет недипломатично, мистер Кендрей. Могу я поговорить с вашим непосредственным начальником?

— Конечно, можете, но вряд ли вам удастся увидеться с ним немедленно.

— Я уверен, что он придет сразу же, когда поймет, что будет говорить с чиновником из Академии.

— Пожалуй, — сказал Кендрей, — но, между нами говоря, это только ухудшит положение дел. Мы не часть территории метрополии Академии, как вам должно быть известно. Мы присоединились к ней как союзная планета и воспринимаем это исключительно серьезно. Люди беспокоятся, как бы Компореллону не превратиться в марionетку Академии — так у нас говорят, уж вы простите, и демонстративно выдерживают дистанцию между Компореллоном и Академией, выказывая свою независимость. Мой начальник заработает в глазах планеты больше очков, если воспротивится предоставлению особых привилегий чиновнику из Академии.

Тревайз помрачнел:

— И вы тоже?

Кендрей покачал головой:

— Я вне политики, сэр. Никто ни за что мне никаких очков не начислит. Я буду счастлив, если мне хотя бы выплатят жалованье. Получить я ничего не получу, а вот разжаловать могут, и очень даже просто.

— Но, учитывая мой пост, я смог бы позаботиться о вас.

— Нет, сэр. Извините, если это звучит дерзко, но я не думаю, что вам это под силу. И еще, сэр, мне даже неловко говорить, только, пожалуйста, не предлагайте мне ничего ценного. Известны примеры, когда наши чиновники принимали подобные предложения, а когда все это раскрывалось, им не поздоровилось.

— Я и не думал давать вам взятку. Я только представил, что мэр Терминуса может сделать с вами, если вы помешаете моей миссии.

— Советник, я в совершенной безопасности до тех пор, пока мне порукой свод правил. Если члены Президиума Компореллона получат какой-либо выговор от Академии, это их забота, а не моя. Единственное, чем могу помочь, сэр, так это пропустить на корабле вас и доктора Пелората. Если вы оставите мисс Блисс на орбитальной станции, мы задержим ее здесь ненадолго и отправим на Компореллон, как только прибудет дубликат ее бумаг. Если ее

документы по какой-либо причине не прибудут, мы будем вынуждены отправить ее назад, на ее планету, с торговым кораблем. Боюсь, впрочем, что в этом случае кому-нибудь придется оплатить ей дорогу.

Тревайз заметил, как отреагировал на это заявление Пелорат, и сказал:

– Мистер Кендрей, могу я поговорить с вами с глазу на глаз в рубке?

– Хорошо, но я не могу слишком долго оставаться на борту, иначе это вызовет законное подозрение.

– Это совсем ненадолго, – заверил Тревайз.

Войдя в рубку, Тревайз демонстративно закрыл поплотнее дверь и проговорил вполголоса:

– Я бывал во многих местах, но нигде не встречал таких суровых требований по соблюдению выполнения мельчайших подробностей правил иммиграции, особенно для граждан Академии и ее чиновников.

– Но юная леди не из Академии.

– Ну и что?

– Порядок есть порядок. У нас, видите ли, вышло несколько крупных скандалов, и теперь все очень ужесточилось. Если вы вернетесь к нам через год, вы скорее всего не встретите никаких затруднений, но сейчас я ничего не могу поделать,

– Попытайтесь, мистер Кендрей, – сказал Тревайз, его голос стал гораздо мягче. – Я готов положиться на ваше милосердие. Давайте поговорим как мужчина с мужчиной. Пелорат и я выполняем эту миссию уже довольно давно. Он и я. Только он и я. Мы добрые друзья, но одиночество оказывается, если вы меня правильно понимаете. Не так давно Пелорат познакомился с этой миленькой леди. Не буду говорить вам, что и как произошло, но мы решили взять ее с собой. Общение с ней в известном смысле поддерживает наше здоровье. Вопрос, однако, в том, что Пелорат связан узами брака на Терминусе. Я свободен, но Пелорат старше и вошел в тот возраст, когда мужчин тянет на «подвиги». В такие лета стремятся вернуть назад молодость и все с ней связанное. Он не может ее бросить. В то же время, если она будет фигурировать официально, хорошенка встреча ожидает старину Пелората, когда он вернется на Терминус. Никакого вреда от нее не будет, вы же понимаете. Мисс Блесс, как она себя называет, – славненько имечко, учитывая ее профессию, – не блещет умом; мы не за это ее взяли с собой. Стоит ли вам вообще упоминать ее? Не могли бы вы внести в список только меня и Пелората? Первоначально ведь только мы в нем значились, когда покидали Терминус. Не стоит официально включать в список женщину. Кроме всего прочего, она абсолютно стерильна. Вы сами это установили.

Лицо Кендрея приняло официальное выражение.

– Я на самом деле не хочу причинять вам неудобства. Я готов войти в ваше положение и, поверьте, сочувствую вам. Послушайте, если вы думаете, что нести месяцами вахту на этой треклятой станции – шуточное дело, то вы жестоко ошибаетесь. И дело тут не в воспитании, это же Компореллон. – Он покачал головой. – И у меня тоже есть жена, так что я понимаю. Но поймите и вы, даже если я пропущу вас, как только обнаружится, что – уф! – леди без документов, ее арестуют, у вас и мистера Пелората будут неприятности и вы будете вынуждены вернуться на Терминус. А сам я, как пить дать, полечу с работы.

– Мистер Кендрей, – сказал Тревайз, – положитесь на меня. Как только я окажусь на Компореллоне, я буду в безопасности. Я смогу поговорить о моей миссии с нужными людьми, и, когда это будет сделано, неприятностей больше уже ни за что не возникнет. Я принимаю на себя полную ответственность за все, что произойдет, если произойдет, в чем я сильно сомневаюсь. Более того, я порекомендую повысить вас в должности, и вы обязательно получите повышение. Терминус всегда поддерживает нужных людей. А заодно дадим Пелорату поразвлечься.

Кендрей замялся, затем сказал:

— Ладно. Так и быть. Я пропущу вас, но предупреждаю: с этого момента я буду настаивать на своем алиби. Придется спасать свою шкуру, если все выплынет. Я пальцем не пошевелю, учтите, чтобы спасти ваши. Кроме того, я знаю, как обстоят дела на Компореллоне, а вы — нет; а Компореллон жесток с теми, кто преступил закон.

— Благодарю вас, мистер Кендрей, — сказал Тревайз. — Моя шкура примет огонь на себя. Будьте покойны.

Глава 4 На Компореллоне

13

Их пропустили. Орбитальная станция маленькой звездочкой растаяла позади. Через пару часов корабль должен был пройти сквозь облачный слой.

Гравитационному кораблю не было нужды гасить скорость на спиральной орбите, но все-таки он не мог сразу нырнуть вниз. Свобода от гравитации – это одно, но сопротивление воздуха остается, и никуда от него не денешься. Корабль мог спускаться по прямой, соблюдая при этом определенную осторожность: этот маневр нельзя было осуществлять на слишком большой скорости.

– Где мы спустимся? – озабоченно спросил Пелорат. – Я не могу отличить сквозь облака одно место от другого.

– Я тоже, не переживай, – успокоил его Тревайз, – но у нас есть официальная голограммическая карта Компореллона, на которой виден рельеф материков и океанского дна – и политическое деление, кстати, тоже. Карта занесена в память компьютера, и это позволит сохранить ориентацию. Он совместит узор материков и морей планеты с картой, правильно сориентирует корабль и доставит нас к столице по спиральной траектории.

– Если мы появимся в столице, то немедленно попадем в атмосферу политических интриг. Раз там так сильны антиакадемические настроения, как говорил таможенник, нас могут ждать неприятности.

– Верно, но столица – это интеллектуальный центр планеты, и нужную информацию мы найдем либо здесь, либо нигде. Даже если тут недолюбливают Академию, сомневаюсь, что они черезсчур откровенно высказывают эту нелюбовь. Мэр не питает ко мне большой и светлой любви, но все равно не позволит пренебрежительно обращаться с Советником, возникновения прецедента не допустит.

Блесс вышла из туалета с влажными после мытья руками, оправила платье, нисколько не смущаясь от присутствия мужчин, и спросила:

– Надеюсь, экскременты включены в замкнутый цикл?

– Несомненно, – ответил Тревайз. – Как ты думаешь, надолго ли хватило бы нам запаса воды без переработки экскрементов? На чем, по-твоему, растут эти изысканно приправленные дрожжевые брикеты, которые мы едим, чтобы добавить пикантности нашим замороженным продуктам? Я не испортил тебе аппетит, Блесс?

– Вовсе нет. Откуда, по-твоему, пища и вода появляются на Гее? Или на этой планете? Или на Терминусе?

– Ну, на Гее, конечно, – хмыкнул Тревайз, – экскременты такие же живые, как и вы.

– Не живые. Обладающие сознанием. В этом вся разница. Уровень сознания, естественно, очень низкий.

Тревайз брезгливо фыркнул, но ничего не ответил. Он только сказал:

– Я иду в рубку составить компанию компьютеру. Хотя он, честно говоря, в ней не нуждается.

– Может мы присоединиться к компании, которая ему не нужна? – спросил Пелорат. – Я не могу успокоиться и окончательно поверить, что компьютер может доставить нас вниз самостоятельно, что он способен чувствовать близость других судов, приближение шторма или что там еще.

Тревайз широко улыбнулся.

– Зря сомневаешься. Компьютер управляет кораблем намного лучше меня. Ладно, пошли. Пожалуй, вам стоит посмотреть.

Они находились над солнечной стороной планеты; как объяснил Тревайз, карта в компьютере легче совмещается с реальным рельефом при солнечном свете, чем в темноте.

– Это очевидно, – сказал Пелорат.

– Не так уж и очевидно. Компьютер почти столь же быстро может сканировать местность и в инфракрасном свете, который поверхность излучает даже в темноте. Однако большая длина волн инфракрасного диапазона не позволяет компьютеру добиться такого же разрешения, как в диапазоне видимого света. Это означает, что компьютер не может видеть так же отчетливо в инфракрасных лучах, и, когда это не сверхнужно, я предпочитаю облегчить ему работу.

– А что, если столица наочной стороне?

– Шансы примерно равные, – сказал Тревайз, – но если и так, то, как только карта будет совмещена с поверхностью при дневном свете, мы сможем совершенно уверенно спуститься к столице даже в полной темноте. И задолго до того, как мы к ней приблизимся, нас перехватят микроволновые лучи и сориентируют на наиболее удобный космопорт. Беспокоиться совершенно не о чем.

– Ты уверен? – спросила Блисс. – Ведь я без документов. Я обязана, как меня проинструктировали, ни в коем случае нигде не упоминать Гею. И что же мы будем делать, если у меня попросят документы, как только мы ступим на поверхность?

– Этого не должно случиться, – сказал Тревайз. – Все будут думать, что проверку мы прошли на орбитальной станции.

– А если все-таки потребуют?

– Будет день – будет пища. А пока и гадать не стоит.

– Знаешь, когда мы столкнемся лицом к лицу с трудностями, может оказаться слишком поздно.

– Я полагаюсь на мою изобретательность.

– Кстати, об изобретательности. Как ты ухитрился протащить нас через орбитальную станцию?

Тревайз взглянул на Блисс, и его губы медленно расплылись в загадочной улыбке, он стал похож на проказливого ребенка.

– Ум, ребята, с которым у меня все в порядке.

– Чем ты взял, дружочек? – спросил Пелорат.

– Все дело было в том, чтобы представить таможеннику ситуацию в нужном свете. Пытался запугать поначалу, сулил взятку. Я апеллировал к его разуму, лояльности к Академии. Ничего не вышло, и пришлось выложить последний козырь. Я сказал, что мы все дружно обманываем твою жену, Пелорат.

– Мою жену? Но, дружочек дорогой, у меня нет сейчас никакой жены.

– Я-то знаю, а он – нет.

– Под женой, я полагаю, вы подразумеваете некую женщину, которая является единичной, постоянной партнершей мужчины? – спросила Блисс.

– Поднимай выше, Блисс, – ответил Тревайз. – Постоянной партнершей с преимущественными правами, вытекающими из этого партнерства.

– Блисс, у меня *действительно* нет никакой жены, – занервничал Пелорат. – Раньше была, но теперь нет, притом довольно давно. Если ты желаешь совершить законный ритуал...

– О, Пел, – сказала Блисс и словно отмахнулась от чего-то, – зачем мне это? У меня неисчислимое множество партнеров, так же близких мне, как одна твоя рука близка другой. Это только изоляты чувствуют себя настолько отчужденными, что нуждаются в заключении искусственных договоренностей в целях иллюзорной замены истинного чувства партнерства.

– Но я изолят, Блисс, дорогая.

– Ты можешь со временем стать меньшим изолятом, чем теперь, Пел. Возможно, ты никогда не вольешься до конца в Гею, но уже и не будешь в полном смысле слова изолятом. Ты поймешь это, когда ощущишь заливающий тебя поток любви.

– Мне нужна только ты, Блисс.

– Это потому, что ты ничего об этом не знаешь. Но ты сможешь узнать.

Тревайз во время этого диалога не спускал сосредоточенного нетерпеливого взгляда с обзорного экрана. Облачное покрывало приближалось, и спустя мгновение все поле зрения окутал густой серый туман.

«Микроволновый диапазон», – мысленно скомандовал он, и компьютер немедленно переключился на распознавание отраженных сигналов радара. Облака вскоре исчезли, и на экране появилась поверхность Компореллона, окрашенная в разные цвета. Границы между областями с различной поверхностью слегка расплывались и подрагивали.

– Так и будет? – с некоторым разочарованием спросила Блисс.

– Да, пока не опустимся ниже облаков. А потом снова увидим все при солнечном свете.

И стоило ему только это сказать, как засияло солнце и нормальная видимость восстановилась.

– Понятно, – сказала Блисс, глядя на экран. Потом, повернувшись к Тревайзу, продолжила: – Зато непонятно другое. Почему для таможенника с орбитальной станции было так важно, обманывает ли Пел свою жену?

– А я сказал тому парню, Кендрею, что, если он отправит тебя назад, этот слух долетит до Терминуса и, естественно, до жены Пелората. Пелорат вследствие этого может попасть в пикантное положение. Я не уточнял, какого сорта неприятности его ожидали, но я старался, чтобы прозвучало так, словно дело его будет совсем худо. Есть такая штука – мужское братство, – ухмыльнулся Тревайз, – и один мужчина никогда не выдаст другого. Даже поможет, если нужно. Все очень просто! В другой раз они запросто могут поменяться ролями. Есть у меня подозрение, – сказал он с напускной серьезностью, – что подобное братство существует и у женщин, но, не будучи женщиной, я никогда не смогу в этом убедиться наверняка.

Лицо Блисс стало похоже на хорошенькую грозовую тучку.

– Это что, шутка? – обеспокоенно спросила она.

– Нет. Я серьезен как никогда, – ответил Тревайз. – Я не утверждаю, что Кендрей разрешил нам посадку на Компореллон только ради того, чтобы спасти Дженова от гнева супруги. Мужская солидарность могла просто стать последней каплей в чаще моих аргументов.

– Но это же ужасно! – воскликнула Блисс. – Законы, именно законы помогают сплочению общества и связывают его воедино. Неужели это так легко и просто – пренебречь законами из-за таких пустяков?

– Ну, – протянул Тревайз, мгновенно перейдя к обороне, – некоторые из этих законов сами по себе пустяшны. Кое-какие планеты жутко ревниво относятся к посещениям своих секторов даже во времена мира и коммерческого процветания, которое сейчас царит благодаря Академии. Компореллон по каким-то причинам выделяется из общей массы. Внутренняя политика – дело темное. С какой же стати мы должны из-за этого страдать?

– Ты удивляешься от ответа. Если мы будем повиноваться только тем законам, которые считаем справедливыми и разумными, то законов не останется совсем, потому что нет закона, который хотя бы кто-нибудь не счел несправедливым. И если только пожелаем, то всегда сумеем найти причины не исполнять те или иные законы. А там недалеко до анархии и катастрофы, даже для самого ловкого проныры, не пережить катаклизма беззакония.

– Общество так легко не рушится, – сказал Тревайз. – Ты говоришь как Гея, а Гея, вероятно, не может понять тонкости сообщества свободных индивидуумов. Законы, установленные справедливо и разумно, могут без труда выжить и сохраниться при любой погоде, но могут

оставаться в силе и по инерции. Раз так, нарушать эти законы даже полезно – в знак признания того, что они стали больше не нужны или даже вредны.

– Тогда даже вор и убийца может утверждать, что он действует на пользу общества.

– Ты кидаешься в крайность. В суперорганизме Геи законы принимаются по всеобщему согласию, и никому не приходит в голову их нарушать. Можно сказать, что Гея живет как растение. В свободном сообществе присутствует элемент беспорядка, но это цена, которую приходится платить за способность создавать что-то новое и меняться. В целом это разумная цена.

Блисс заметно повысила голос:

– Ты абсолютно не прав, если думаешь, что Гея живет как растение. Наши поступки, критерии, взгляды постоянно находятся под контролем. Гея развивается, переживая и думая, и, следовательно, меняется при необходимости.

– Если даже все обстоит именно так, как ты говоришь, ваши самоконтроль и развитие наверняка слабы, потому что на Гее нет ничего, кроме Геи. У нас же, даже когда почти все согласны, обязательно отыщется несколько упрямцев, и порой именно они оказываются правы. Если же они достаточно умны, энергичны и правы, они могут в конце концов победить и стать героями в будущем – подобно Гэри Селдону, который, создав психоисторию, противопоставил свою идею воззрениям всей Галактической Империи и победил.

– Он был победителем только до последнего времени, Тревайз, – возразила Блисс. – Вторая Империя, задуманная им, не родится. Вместо нее родится Галаксия.

– Родится ли? – мрачно буркнул Тревайз.

– Это твое решение, и, как бы ты ни спорил со мной о преимуществах изолятов, об их свободе становиться глупцами и преступниками, что-то, скрытое в тайниках твоего сознания, заставило тебя выбрать Гею.

– Сейчас в тайниках моего сознания, – еще более мрачно сказал Тревайз, – весьма приземленные соображения. Для начала – вот это, – кивнув в сторону экрана, на котором огромный город раскинулся до горизонта, добавил он.

Посреди кварталов приземистых строений, окруженные коричневыми полями, покрытыми легким туманом, торчали отдельные небоскребы.

Пелорат покачал головой.

– Как жаль. Я к тому, как трудно вас примирить, но вы втянули и меня в свой спор.

– Не переживай, Джено, – сказал Тревайз. – Можешь возобновить попытки, когда мы уберемся отсюда. Я клянусь держать рот на замке, если ты постараешься убедить Блисс заняться тем же самым.

«Далекая Звезда» послала микроволновый луч, запрашивая разрешение на посадку в космопорте.

14

Кендрей, вернувшись на орбитальную станцию, угрюмо наблюдал, как мимо проплывает «Далекая Звезда». Он явно не был доволен собой.

Он садился ужинать, когда один из его напарников, тощий парень с широко поставленными глазами, жидкими светлыми волосами и белесыми бровями, вошел и уселся рядом.

– Что стряслось, Кен?

Кендрей скривился.

– Этот корабль, Гейтис, ну, который только что пролетел, – гравилет.

– Ты про тот странный, с нулевой радиоактивностью?

– Он и не мог быть радиоактивен. Он не нуждается в топливе. Гравилет, говорю же. Гейтис кивнул.

– Это о нем нас предупреждали, верно?

– Верно.

– И он достался тебе. Счастливчик ты.

– Не сказал бы. У них на борту была женщина без документов, а я не сообщил о ней.

– Что? Заткнись. Я ничего не слышал. Ни слова больше. Хоть ты мне друг, но я не собираюсь задним числом становиться твоим соучастником.

– А я и не боюсь. Бояться-то особо нечего. Я *должен* был пропустить корабль на Компореллон. Им нужен был этот гравилет – или любой гравилет. Ты это знаешь.

– Верно, но ты мог бы, по крайней мере, сообщить о женщине.

– Не хотелось. Она не замужем. Ее просто подобрали для… для… ну, ты понимаешь.

– Сколько мужчин на борту?

– Двое.

– И они просто прихватили ее для… для этого? Они, должно быть, с Терминуса.

– Так и есть.

– Чего они только там, на Терминусе, не выделяют.

– Это точно. Что хотят.

– Мерзость какая. И они взяли ее с собой?

– Один из них женат и не хотел, чтобы его жена узнала про все такое… Если бы я сообщил о женщине на борту, его жене все стало бы известно.

– Но ведь эта дамочка не вернется на Терминус?

– Конечно, но его-то жена может узнать.

– Стоило ли тогда проявлять мужскую солидарность?

– Может, и не стоило, но отвечать-то не мне.

– Да тебя в порошок сотрут за то, что ты не сообщил о ней. Забота об этом развратнике – не извинение.

– Может, *ты* сообщишь?

– Наверное, я должен это сделать.

– А вот и не должен. Правительству нужен этот корабль. Если бы я настаивал на включении сведений о женщине в рапорт, экипаж мог бы передумать насчет посадки и махнуть к какой-нибудь другой планете. Наверное, правительству это бы не понравилось.

– А они тебе поверили? Клюнули?

– Думаю, да. Очень милая дамочка, кстати. Представь, такая красотка полетела с двумя мужиками, и чтобы женатый не воспользовался таким случаем… Знаешь, это соблазнительно.

– Сомневаюсь, что ты не против, чтобы твоя мадам узнала о таких словах – да даже о таких мыслях.

– И кто же бросится уведомить ее? Не ты ли? –зывающе спросил Кендрей. – Давай. Ты знаешь много чего про меня.

Возмущение в глазах Гейтиса сразу угасло, и он сказал, покачав головой:

– То, что ты пропустил их, не принесет этим парням ничего хорошего, да ты и сам все понимаешь.

– Понимаю.

– Там, внизу, дамочку быстренько обнаружат. Тебе это, может, сойдет с рук, а вот им – навряд ли.

– Знаю, – вздохнул Кендрей. – Я виноват перед ними. Чего бы им ни стоило присутствие женщины на борту, это ничто по сравнению с тем, что может случиться из-за корабля. Капитан кое-что сболтнул…

Кендрей умолк, и Гейтис поторопил его:

– Что сболтнул?

– Да так… Только если это выплынет, отвечать придется мне.

– Хорошо. Не хочешь – не говори.
– Не буду. Но я виноват перед этими мужиками с Терминуса.

15

Для любого, кто бывал в космосе и на себе испытал его однообразие, настоящее возбуждение от полета приходит во время посадки на очередную планету. Ее поверхность бежит под вами, вы ловите взглядом мельканье земли и воды, геометрических фигур и линий, может быть, это города и дороги. Вы узнаете зелень лесов и травы, серую краску бетона, коричневую – открытой земли, белую – снега. Больше всего вас волнуют населенные участки; города, которые на каждой планете имеют свою планировку и архитектурные особенности.

Будь корабль обычным, и снижение, и посадка были бы более волнующими. «Далекая Звезда» – дело другое. Она плыла сквозь атмосферу, снижая скорость благодаря мастерской манипуляции сопротивлением воздуха и гравитацией, и наконец замерла над космопортом. Дул порывистый ветер, а это сильно осложняло посадку. Двигатели «Далекой Звезды» при посадке почти не оказывали сопротивления гравитационному полю планеты, вследствие чего и вес, и масса корабля снижались, и притом значительно. Если бы масса оказалась близкой к нулю, корабль снесло бы легким порывом ветра. При посадке поле гравитации планеты компенсируется, а вспомогательные реактивные двигатели включаются на небольшую мощность, создавая сопротивление не только притяжению планеты, но и порывам ветра. Без соответствующего компьютера это невозможно было бы сделать с такой точностью.

Вниз, вниз... с неизбежными небольшими смещениями, корабль дрейфовал, пока не опустился на очерченный участок взлетно-посадочного поля.

По бледно-голубому небу плыли легкие белые облака. Ветер дул резкими порывами даже у самой поверхности и, хотя больше не создавал особого риска для навигации, принес с собой холод. Тревайз вздрогнул и поежился, поняв, что их одежда совершенно не годится для компореллонской погоды.

Пелорат, наоборот, с радостью глядел по сторонам, глубоко вдыхал носом этот удивительный воздух и был не против немного охладиться. Он даже нарочно распахнул куртку, чтобы почувствовать ветер грудью. Он понимал, что скоро ему придется застегнуться и повязать шарф, но сейчас ему хотелось ощущать присутствие атмосферы – настоящей, какой не было и не могло быть на корабле.

Блисс поплотнее закуталась в пальто, надела перчатки и натянула на уши шапку. Вид у нее был совсем несчастный – казалось, она вот-вот заплачет.

– Этот мир злой, – пробормотала она. – Он не любит нас. Он нас не хочет.

– Ну почему, Блисс? – возразил Пелорат. – Уверен – местные жители любят свой мир, и он – э-э – любит их, если тебе так больше нравится. Не горюй, мы скоро окажемся в помещении, а там будет теплее.

Сообразив наконец, что словами не согреешь, Пелорат укутал ее курткой, а она крепко прижалась к его груди.

Тревайзу было некогда переживать из-за погоды. Он получил магнитную карточку от портовой службы, проверил ее в своем карманном компьютере и убедился, что она содержит необходимые подробности: номер и место его стоянки, номер и название двигателей корабля и так далее. Проверил еще раз на всякий случай, чтобы убедиться, включена ли охранная сигнализация, застрахован ли корабль по максимуму против всевозможных напастей (дело это было в принципе совершенно лишнее, поскольку корабль был абсолютно неуязвим при любых происках компореллонцев с их уровнем техники, а уж если бы «Далекая Звезда» пропала, от страховки не было бы никакого толку).

Тревайз нашел стоянку такси там, где она и должна была быть. (Ряд служб в космопортах по всей Галактике был стандартизован в смысле размещения, внешнего вида и функции. Это было настолько необходимо, принимая во внимание разношерстность прибывающей клиентуры.)

Он вызвал такси, обозначив направление лаконично: «Город».

Такси скользнуло к нему на диамагнитных полозьях, слегка покачиваясь под порывами ветра и дрожа от вибрации своего, прямо скажем, не слишком бесшумного двигателя. На темно-сером корпусе выделялись лишь белые знаки на задних дверцах. На водителе было темное пальто и белая меховая шапка.

Пелорат, кашлянув для уверенности, шепнул:

– Похоже, любимые цвета на этой планете – черный и белый.

– В городе может оказаться повеселее, – предположил Тревайз.

– Прокатимся до города, ребята? – дружелюбно поинтересовался водитель через маленький микрофон, может быть, для того чтобы не открывать окна.

В его выговоре слышалась довольно милая нежная напевность, и понимать его было не так уж трудно – что само по себе очень неплохо на чужой планете.

– Можно, – согласился Тревайз.

Задняя дверь открылась. Блисс, а за ней Пелорат с Тревайзом уселись в такси. Дверь закрылась, и откуда-то сверху хлынул теплый воздух.

Блисс растерла руки и облегченно вздохнула.

Такси медленно тронулось. Водитель спросил:

– А корабль-то ваш – гравител небось?

– Если вы видели, как он приземлялся, сомнений у вас быть не должно, – сухо проговорил Тревайз.

– Стало быть, с Терминуса?

– А вы знаете другую планету, где могут собрать такой корабль?

Водитель, похоже, усваивал эту информацию, пока такси набирало скорость. Затем спросил:

– А вы всегда так – вопросом на вопрос?

Тревайз не сдавался:

– Почему бы и нет?

– В таком случае интересно, что вы ответите мне, если я спрошу прямо: «Ваше имя Голан Тревайз?»

– Я могу спросить: «Зачем вам это знать?»

Такси затормозило на окраине космопорта, и водитель сказал, вздернув брови:

– Здорово! Я попробую еще разок: «Вы – Голан Тревайз?»

Голос Тревайза стал холодным и враждебным:

– Какое вам до этого дело?

– Послушайте, – сказал водитель, – мы не двинемся с места, пока вы не ответите на мой вопрос. И если в течение двух секунд вы не дадите ясного ответа – «да» или «нет», – я выключу обогрев салона и подожду. Вы – Голан Тревайз, Советник Терминуса? Если ответ будет отрицательным, вам придется предъявить ваши идентификационные документы.

– Да, я – Голан Тревайз и как Советник Академии требую, чтобы со мной обращались со всей учтивостью, приличествующей моему рангу. Ваша манера обращения со мной может дорого вам обойтись.

– Скажу напрямик. (Такси снова тронулось.) Я старательно выбирал своих пассажиров, но предполагал посадить только двух мужчин. Женщина оказалась для меня сюрпризом, и я подумал – вдруг ошибся. Но, поскольку выяснилось, что я все же угадал, попрошу объяснить присутствие женщины, как только мы доберемся до места назначения.

- Вы не можете знать, куда мне нужно.
- Представьте себе, знаю. Вы направляетесь в Департамент Транспорта.
- Вовсе нет.
- Все не так просто, Советник. Если бы я был водителем такси, я бы доставил вас куда вам угодно. Поскольку я им не являюсь, мы едем туда, куда мне угодно.
- Простите, – сказал Пелорат, наклонившись к водителю, – вы так похожи на водителя такси. И ведете именно такси.
- Кто угодно может вести такси. Но не каждый имеет на это лицензию. И не каждый автомобиль, выглядящий как такси, является таковым.
- Хватит болтать, – прервал его Тревайз. – Кто вы и что вам нужно? Помните, вы ответите за все перед Академией.
- Не я, – ответил водитель. – Мои начальники – возможно. Я всего-навсего агент Службы Безопасности Компореллона. Я выполняю приказ: обращаться с вами со всем почтением к вашему рангу, но везти туда, куда нужно. Советую вам вести себя осторожно. Машина вооружена, а у меня приказ – обороняться в случае нападения.

16

Машина, достигнув крейсерской скорости, двигалась совершенно бесшумно, и Тревайз сидел в этой тишине как замороженный. Он был уверен, даже не глядя в сторону Пелората, что тот сейчас смотрит на него взъерошенно, с застывшим в глазах немым вопросом: «Что нам делать? Пожалуйста, ответь!»

Тревайз украдкой глянул на Блисс. Та сидела спокойно и казалась совершенно беззаботной. А как иначе! Она несла в себе целый мир. Вся Гея, пусть их разделяли громадные расстояния, умещалась в ней. У Блисс были резервы, которые она могла призвать на помощь в случае реальной опасности.

Но что же произошло?

Ясно, чиновник с внешней станции, следуя заведенному порядку, отослал свой рапорт, не включив в него сведений о Блисс, и это вызвало интерес людей из КСБ и, кроме того, Департамента Транспорта. Почему?

Время было мирное, и Тревайз не слышал ни о каких особых трениях между Компореллоном и Академией. Он сам был важным чиновником Академии...

Так-так... Он сказал таможеннику с орбитальной станции – Кендрей, так его вроде бы звали, – что у него важное дело к правительству Компореллона. Он упирал на это, добиваясь права на посадку. Кендрей наверняка должен был сообщить об этом, а это, должно быть, вызвало такой пристальный интерес властей.

Тревайз не предвидел подобного развития событий, а ведь должен был, по идее.

Куда же девался его так называемый дар провидца? Или он уже сам поверил, что он – черный ящик, как им его числила Гея? Сел в лужу, поддавшись растущей самоуверенности, основанной на глупом чужом суеверии?

Как он мог себе такое позволить! Неужели он ни разу в жизни не ошибался? Разве он когда-нибудь знал, какая завтра будет погода? Разве он хоть раз выигрывал круглые суммы в лотерею? Нет, нет и нет. Ну, тогда... может, только в великих, глобальных, галактического масштаба делах он мог оказаться прав? Как он мог судить?

Ладно, судить! Это все лирика. В конце концов, одно только то, что он заявил о важном государственном деле – нет, он сказал, что речь идет «о безопасности Академии»...

Хорошо. Значит, тот факт, что он появился здесь по делу, касающемуся безопасности Академии, но вел его в тайне, не разглашая его сути... наверняка должен был привлечь внимание здешних властей. Да, но до тех пор, пока они не знали, что это за дело, Служба Безопас-

ности должна была действовать очень осмотрительно. Они должны были вести себя учтиво и обращаться с ним как с важным сановником. Они не должны были похищать его и прибегать к угрозам.

А они именно это и сделали. Почему?

Что заставило их почувствовать себя настолько могущественными, чтобы позволить себе обращаться с Советником с Терминуса подобным образом?

Может быть, дело в Земле? Работала ли сейчас та самая сила, которая скрыла планету-прадородительницу так умело даже от величайших менталистов Второй Академии? Не она ли перехватила его на самой первой стадии поисков Земли? Была ли Земля всезнающей? Все-могущей?

Тревайз покачал головой. Нет, это верный путь к паранойе. Винить Землю во всем? Неужели каждый поступок, каждый поворот пути, каждое стеченье обстоятельств – результат тайных действий Земли? Стоило ему начать думать в таком духе, как у него просто руки опускались.

Тут Тревайз почувствовал, что машина тормозит, и от толчка вернулся к реальности.

Они уже долго ехали по городу, а он даже не удосужился посмотреть в окно. Тревайз спешно перевел взгляд на дорогу. Здания были невысокими, но на холодной планете большая часть строений, вероятно, уходила под землю.

Тут не было и в помине ярких цветов – все серое и белое. Это как-то не вязалось с привычками людей.

По улицам брали редкие прохожие, кутаясь в теплую одежду. Правда, основная масса людей могла находиться тоже, по большей части, под землей.

Такси остановилось перед приземистым, широким зданием, построенным в углублении, dna которого Тревайз разглядеть не мог. Прошло некоторое время, но машина оставалась на месте и сам водитель не двигался. Шерстинки меха его высокой белой шапки почти касались потолка салона машины.

Тревайз, неизвестно почему, задумался: как водитель ухитряется входить и выходить из машины, не сбивая при этом шапку с головы? Наконец, с трудом сдерживая возмущение, как и подобало надменному и презирающему всех, кто ему не ровня, сановнику, он прошел сквозь зубы:

– Ну, водитель, долго мы тут будем торчать?

Компореллонская версия силовой перегородки, отделяющей водителя от пассажиров, была не такой уж примитивной. Звуковые волны могли свободно проникать сквозь нее, но Тревайз не сомневался, что материальные объекты, обладающие солидным запасом энергии, пройти сквозь нее не смогут.

– Сейчас кто-нибудь поднимется и встретит вас, – сказал водитель. – Сидите и не дергайтесь.

Как только он это сказал, над краем углубления, в котором стоял дом, медленно и плавно появились три головы. Вслед за ними вскоре показалось и остальное. По-видимому, новые действующие лица поднимались на каком-то подобии эскалатора, но оттуда, где сидел Тревайз, деталей этого устройства видно не было.

Как только эти трое приблизились, дверь салона такси распахнулась и внутрь хлынул поток холодного воздуха.

Тревайз вышел наружу, подняв воротник куртки. Остальные последовали за ним – Блесс с явной неохотой.

Трое компореллонцев выглядели довольно смешно – на всех были забавные надутые костюмы, вероятно, с электрическим подогревом. Тревайзу стало жалко компореллонцев. Такие костюмы были не в ходу на Терминусе, и однажды ему случилось одолжить пальто с подогревом, когда выпало зимовать на одной из планет Анакреона. Он обнаружил тогда, что

нагревается пальто крайне медленно, а когда понимаешь, что тебе стало слишком тепло, ты уже мокрый с ног до головы.

Когда компореллонцы приблизились, Тревайз с гневом обнаружил, что они вооружены. Они и не пытались скрыть это. Напротив, бластер в кобуре у каждого из них болтался поверх одежды.

Один из подошедших, остановившись напротив Тревайза, грубо сказал: «Прошу прощения, Советник», а затем резким движением распахнул на нем куртку. Протянув руки, он быстро провел вверх и вниз по груди и спине Тревайза, затем по бокам и бедрам, затем обыскал куртку. Тревайз был настолько обескуражен, смущен и удивлен, что понял, что это обыск, только тогда, когда все кончилось.

Пелорат, с перекошенным от возмущения и удивления ртом, выдержал обыск, произведенный вторым компореллонцем.

Третий приблизился к Блисс, но она не стала ждать, когда он до нее дотронется. Понимая, что от нее нужно, она сбросила пальто и осталась в легкой одежде под пронизывающим ветром.

— Видите? Я не вооружена, — холодно, под стать погоде, сказала она.

И действительно, это было видно любому. Компореллонец встряхнул ее пальто, словно по его весу мог понять, есть ли там оружие, — а может быть, он и вправду мог — и отступил назад.

Блисс накинула пальто, запахнула его, и на мгновение Тревайз восхитился ее поступком. Он знал, как Блисс относится к холodu, но ведь смогла заставить себя не дрожать, стоя на ветру в тонкой блузке и брюках. (Потом он, правда, подумал, не могла ли она при необходимости согреться теплом всей Геи.)

Один из компореллонцев махнул рукой, дав знак прибывшим следовать за ним. Двое других сопровождали их сзади. Пара-тройка прохожих, шедших мимо, не обратили никакого внимания на происходящее. То ли они были привычны к такому зрелищу, то ли (что вернее) их больше занимала проблема того, как бы поскорее попасть в помещение.

Подойдя ближе к краю углубления, Тревайз понял, что их конвоиры поднялись на подъемной рампе. Вместе с ними тем же путем спустились вниз и миновали шлюз почти такой же сложный, как на космическом корабле. Конечно, он предназначался для удержания внутри не воздуха, а тепла.

И тут они вдруг сразу оказались внутри огромного здания.

Глава 5 Борьба за корабль

17

Первое впечатление Тревайза было таково, словно он оказался участником гипервизионной драмы – по заурядному историческому роману времен Империи. Здесь все напоминало декорации, что использовались каждым продюсером гипервизионных драм (скорее всего все они использовали один и тот же комплект декораций), представляющие великий город-планету Трентор, город-повелитель Галактики, во всем его блеске и величии.

Здесь были и просторные площади, и оживленные потоки пешеходов, и юркие машины, несущиеся куда-то по отведенным для них трассам.

Тревайз посмотрел ввысь, почти уверенный в том, что увидит аэротакси, исчезающие в туннелях, но не увидел. И вообще, стоило первой вспышке удивления угаснуть, как стало ясно, что на самом деле здание значительно меньше, чем то, которое могло бы выситься на Тренторе. Это было всего лишь здание, а не часть неразрывного комплекса, простирающегося на многие тысячи миль во всех направлениях.

Иными оказались и цвета. В гипервизионных драмах Трентор обычно демонстрировали в кричащих тонах, а одежда персонажей была абсолютно несуразна и неудобна. Однако и яркие краски, и причудливые одежды, по задумке, служили чисто символической цели – показать во всей красе упадок (непрекращаемая точка зрения по нынешним временам) Империи и в особенности Трентора.

Однако, если так оно и было на самом деле, Компореллон являл собой полную противоположность этому упадку. Приглушенная цветовая гамма, на которую обратил внимание Пелорат еще в космопорту, полностью сохранилась и здесь.

Темно-серые стены, белые потолки, черная, белая и серая одежда. Часто попадались встречные в абсолютно черных костюмах, еще чаще – в серых, а вот в чисто-белых Тревайз никого не замечал. Фасоны были, правда, различные. Видимо, люди, лишенные возможности пользования красками, все-таки пытались найти способы отстоять свою индивидуальность.

Лица прохожих были невыразительны или, на худой конец, мрачны. У женщин волосы были коротко острижены, а у мужчин – подлиннее, на затылке скрепленные в короткий хвостик. Проходя мимо, никто не смотрел друг на друга. Казалось, тут у каждого на уме некое важное дело и нет в голове места ни для чего больше. Мужчины и женщины, одетые почти одинаково, отличались только длиной волос, выпуклостью груди и шириной бедер.

Трех гостей (или пленников!) провели в лифт, который опустил их на пять уровней. Затем их проводили до двери, на которой мелкими неприметными буквами, белым по серому, значилось: «Мица Лайзалор, МинТранс».

Возглавлявший процессию компореллонец коснулся таблички, которая спустя мгновение вспыхнула. Дверь отворилась, и они вошли.

Кабинет был большой и просторный. Отсутствие обстановки служило, возможно, сознательному воздействию на посетителей и демонстрировало могущество хозяина кабинета.

Двое охранников стали у дальней стены, с каменными лицами. Их глаза зорко следили за каждым движением вошедших. Большой стол, немного отодвинутый назад, занимал центр кабинета. За столом сидела, по всей видимости, Мица Лайзалор – пышнотелая, с гладкой, холеною кожей, темноглазая. Две ее мускулистых ловких руки с длинными, приплюснутыми на подушечках пальцами покоились на столе.

МинТранс – «Министр Транспорта», – предположил Тревайз. На ее сером костюме выделялись широкие, ослепительно белые лацканы. Двойная белая полоса пересекалась на груди. Тревайз видел, что, хотя костюм был скроен таким образом, чтобы скрыть выпуклости грудей, белое X невольно влекло к ним взгляд.

Министр, несомненно, была женщиной. Даже не глядя на ее груди, об этом можно было догадаться по коротким волосам; и хотя косметики на ее лице не было, черты его были явно женскими.

Голос у Министра тоже оказался женским – богатым, глубоким контральто.

– Добрый вечер, – сказала она. – Нечасто мы удостаиваемся чести принимать у себя людей с Терминуса. А также незарегистрированных женщин.

Ее взгляд скользил с одного на другого, затем остановился на Тревайзе, стоявшем подчеркнуто прямо, не скрывая недовольства.

– К тому же один из вас – член Совета.

– Советник Академии, – сказал Тревайз, стараясь, чтобы голос его гневно звенел. – Советник Голан Тревайз по заданию Академии.

– По заданию? – Министр вздернула брови.

– По заданию, – повторил Тревайз. – Почему же с нами здесь обращаются как с преступниками? Почему нас взяли под стражу вооруженные охранники и доставили сюда, словно пленников? Совету Академии, как вы, надеюсь, понимаете, это не понравится.

– И потом, – вмешалась Блисс, и ее голос прозвучал молодо и звонко по сравнению с голосом Министра, – мы что, так и будем стоять?

Министр окинула Блисс пристальным ледяным взглядом, затем подняла руку и приказала:

– Три стула сюда! Быстро!

Дверь открылась, и трое мужчин, одетых в полном соответствии со скромной компореллонской модой, поспешно внесли три стула. Гости сели.

– Теперь, – спросила Министр с ледяной ухмылкой, – вам удобно?

«Вот уж нет», – подумал Тревайз. Стулья подали жесткие, плоские, холодные, и сидеть на них оказалось жутко неудобно.

– Почему мы здесь? – спросил он.

Министр заглянула в бумаги, лежащие перед ней.

– Объясню, как только получу подтверждение имеющимся у меня данным. Ваш корабль – «Далекая Звезда» с Терминуса. Это верно, Советник?

– Верно.

Министр выразительно взглянула на Тревайза.

– Я использовала ваш титул, обратившись к вам, Советник. Будьте так добры, используйте и вы мой.

– Будет ли достаточно «мадам Министр»? Или нужно что-то еще позaborистее?

– Ничего особенного, сэр, и вам даже не нужно использовать оба эти обращения. Или «Министр», или «мадам», если хотите сэкономить время.

– Тогда я отвечу: «Да, Министр».

– Капитан корабля – Голан Тревайз, гражданин Академии и член Совета Терминуса – новоиспеченный Советник, правда? Вы – Тревайз. Я верно все назвала, Советник?

– Да, Министр. И так как я гражданин Академии…

– Я еще не закончила, Советник. Возражать потом будете. Вас сопровождает Дженоу Пелорат, ученый-историк, гражданин Академии. Это вы, не так ли, доктор Пелорат?

– Да, это так, моя до… – Он сконфуженно умолк и ответил снова: – Да, это так, Министр.

Министр сцепила пальцы.

– В сообщении со станции, которое передали мне, нет упоминания о женщине. Она тоже член экипажа?

– Да, Министр, – твердо произнес Тревайз.

– Тогда я обращаюсь к ней. Ваше имя?

– Я известна под именем Блисс, – ответила Блисс, сидя прямо и говоря спокойно просто, – хотя мое полное имя длиннее, мадам. Вы хотите услышать его целиком?

– Пока хватит и так. Вы гражданка Академии, Блисс?

– Нет, мадам.

– Гражданкой какого мира вы являетесь, Блисс?

– У меня нет документов, подтверждающих гражданство какого-либо мира, мадам.

– Нет документов, Блисс? – Министр сделала какую-то пометку в бумагах. – Я это отметила. Что вы делали на борту корабля?

– Я пассажир, мадам.

– Потребовали ли Советник Тревайз или доктор Пелорат ваши документы, прежде чем взять вас на борт, Блисс?

– Нет, мадам.

– Поставили ли вы их в известность об отсутствии у вас документов, Блисс?

– Нет, мадам.

– В чем заключались ваши функции на борту корабля, Блисс? Соответствует ли ваше имя этим функциям?

– Я пассажир и не имела других функций, – гордо сказала Блисс.

– С какой стати вы привязались к нашей пассажирке, Министр? – вмешался Тревайз. – Какой закон она нарушила?

Взгляд Министра Лайзалор скользнул с Блисс на Тревайза.

– Вы здесь впервые, Советник, – сказала она, – и не знаете наших законов. Тем не менее вы становитесь их субъектом, если прибываете в наш мир. Вы неносите с собой свои законы; это общая установка Галактического права, я полагаю.

– Вы правы, Министр, но я все равно не понял, какие из ваших законов она нарушила.

– В Галактике общепринято, Советник, что визитер с планеты, расположенной вне доминионов того мира, который он посещает, обязан иметь при себе документы, удостоверяющие его личность. Многие миры беззаботны в этом отношении – живут за счет туризма или безразличны к порядку. Мы на Компореллоне не таковы. У нас здесь правовое общество. Эта дама – лицо без гражданства и, как таковое, нарушает наш закон.

– У нее не было выбора, – сказал Тревайз. – Я pilotировал корабль. Я привез ее на Компореллон. Она вынуждена была сопровождать нас, Министр, или вы полагаете, она должна была попросить нас вышвырнуть ее в космос?

– Это означает, что вы нарушили наш закон, Советник.

– Нет, это не так, Министр. Я не чужак какой-нибудь. Я – гражданин Академии, а Компореллон с принадлежащими ему мирами входит в территорию Академии на правах ассоциированного члена. Как гражданин Академии я могу свободно путешествовать по Компореллону.

– Конечно, Советник, до тех пор, пока у вас есть документы, подтверждающие ваше гражданство.

– У меня они есть, Министр.

– Но, даже будучи гражданином Академии, вы не имеете права нарушать наши законы, привозя с собой лицо без гражданства.

Тревайз помедлил. Ясно: таможенник Кендрей не сдержал слова, так что не было нужды выгораживать его. Он сказал:

– Нас не задержали на иммиграционной орбитальной станции, и я усмотрел в этом позволение взять эту женщину с собой на планету, Министр.

– Это правда, вас не задержали, Советник. Это правда, что о женщине не сообщили служащие иммиграционной станции и она была пропущена. Я могу предположить, однако, что таможенник решил – и совершенно справедливо, – что гораздо более важно пропустить ваш корабль на поверхность и тем самым заполучить его, чем беспокоиться о лице без гражданства. То, что они сделали, прямо скажем, нарушение таможенных правил, и вопрос этот должен быть и будет рассмотрен, безусловно, в соответствующем порядке, но у меня нет сомнений, что решение будет такое: нарушение в данном случае было оправданным. У нас мир твердых законов, Советник, но мы учитываем обстоятельства.

– Тогда я попросил бы объяснить причину вашей суровости, Министр, – немного помолчав, сказал Тревайз. – Если вы действительно не получали информации с орбитальной станции о присутствии лица без гражданства на борту корабля, тогда вы не знали и не могли знать, что мы нарушаем какой-либо закон в то время, покуда шли на посадку. И тем не менее вы были готовы взять нас под стражу, как только мы сели, да вы, собственно, так и сделали. Почему вы это сделали, если у вас не было причин подозревать, что какой-либо закон нарушен?

Министр улыбнулась.

– Мне понятны ваши сомнения, Советник. Уверяю вас, откуда бы мы ни получили подобные сведения касательно вашей пассажирки без документов, они не имеют никакого отношения к тому, что вас взяли под стражу. Мы действуем от имени Академии, с которой, как вы указали, мы стоим в договорных отношениях.

– Но это невозможно, Министр! – уставился на нее Тревайз. – Хуже того, это нелепо.

Министр медоточиво, негромко засмеялась и сказала:

– Вот забавно – почему вы решили, что нелепо хуже, чем невозможно, Советник? Впрочем, теоретически я с вами согласна. Однако, к несчастью для вас, ни то ни другое места не имеет. Невозможно? Нелепо? Почему?

– Потому что я член правительства Академии и выполняю его задание, и невозможно, чтобы правительство захотело арестовать меня. Да и захоти, оно бы не смогло сделать этого, так как я обладаю парламентской неприкословенностью.

– Ах, вы опустили мой титул, но вы сильно расстроены, и я вас прощаю. Однако будем точны. Меня не просили вас арестовывать. Я поступила так только для того, чтобы выполнить одну просьбу, Советник.

– Какую, Министр? – спросил Тревайз, стараясь не выйти из себя под испепеляющим взглядом демонической женщины.

– Конфисковать ваш корабль, Советник, и возвратить его Академии.

– Что?

– Вы опять не произнесли мой титул, Советник. Это большая ошибка. Подобная забывчивость не поможет решению вашего дела. Этот корабль не ваш личный, я полагаю. Ведь не вы же его спроектировали, не вы собрали, не вы приобрели?

– Конечно, нет, Министр. Он был передан мне правительством Академии.

– Тогда, вероятно, правительство Академии имеет полное право забрать его у вас, Советник. Видимо, это ценный корабль. – Тревайз промолчал. Министр продолжала: – Это гравилет, Советник. Их не может быть много даже у Академии. Там, должно быть, теперь сожалеют, что отдали вам один из этих немногих кораблей. Может быть, вы сумеете уговорить правительство предоставить вам другой, менее ценный корабль, который тем не менее вполне сгодится для вашего задания. Но тот корабль, на котором вы появились, мы обязаны конфисковать.

– Нет, Министр, я не могу отдать вам корабль. И не могу поверить, что Академия попросила вас об этом.

Министр усмехнулась.

– Не только меня, Советник. И не только Компореллон. У нас есть причины подозревать, что такая просьба была передана в каждый мир и регион, находящиеся под юрисдикцией Ака-

демии, или в каждый из союзничающих с ней. Из этого я заключаю, что Академия не в курсе ваших планов и упорно разыскивает вас. Вами недовольны, Советник. Из чего я далее заключаю, что у вас нет задания на Компореллоне от имени Академии, так как в этом случае ваши люди должны были бы знать, где вы находитесь, и связаться с нами особо. Короче, Советник, вы солгали мне.

– Я хотел бы взглянуть на копию запроса, который вы получили от Совета Академии, Министр, – сказал Тревайз в некотором замешательстве. – Думаю, я имею на это право.

– Конечно, если все пойдет согласно официальной процедуре. Мы относимся к процессуальным формальностям очень серьезно, Советник, и ваши права будут полностью защищены, уверяю вас. Однако будет гораздо лучше и легче, если мы с вами договоримся здесь и сейчас – без огласки и необходимости в официозе. Мы предпочитаем, чтобы все сложилось именно так, и, я уверена, того же хочет и Академия. Она явно не желает, чтобы вся Галактика узнала о беглом Советнике. Это может выставить Академию в нелепом свете, а мы с вами не так давно пришли к согласию, это будет хуже, чем нелепо, – гораздо хуже, чем невозможно.

Тревайз снова промолчал.

Министр подождала мгновение, затем продолжила, так же невозмутимо, как прежде:

– При любом раскладе, Советник, корабль мы намерены забрать. А вот наказание за проезд пассажирки без гражданства будет зависеть от того, какой путь мы изберем. Потребуете соблюдения законности, и это станет пунктом обвинения против вас, и все вы можете подвергнуться полному наказанию за это преступление, а оно может оказаться тяжелым, уверяю вас. Договоримся – ваша пассажирка может улететь торговым рейсом куда пожелает, и вы, при желании, сможете к ней присоединиться. Либо, если Академия пожелает, мы можем снабдить вас одним из наших собственных кораблей в пригодном для полета состоянии при условии, конечно, что Академия возместит нам расходы, передав в наше распоряжение эквивалентный корабль. Либо, если по какой-либо причине вы не пожелаете вернуться на контролируемую Академией территорию, мы можем предложить вам убежище, а возможно, и постоянное компореллонское гражданство. Как видите, у вас есть много недурных вариантов, если вы склонитесь к дружескому соглашению, но их не будет вовсе, если вы продолжите настаивать на ваших официальных правах.

– Министр, вы слишком резвы, – усмехнулся Тревайз. – Вы обещаете невозможное. Вы никак не можете предложить мне убежище, если Академия требует от вас моей выдачи.

– Советник, я никогда не обещаю невозможного, – невозмутимо ответила Министр. – Требования Академии касаются только корабля, а не вас лично или кого-либо еще на борту. Их единственная просьба – вернуть судно.

Тревайз быстро взглянул на Блисс и сказал:

– Позвольте мне, Министр, коротко переговорить с доктором Пелоратом и мисс Блисс.

– Конечно, Советник. Пятнадцати минут вам достаточно?

– Да, Министр, но с глазу на глаз.

– Вас отведут в комнату и спустя пятнадцать минут приведут обратно, Советник. Вам не будут мешать и, уверяю, не станут подслушивать. Я даю вам слово и сдержу его. Однако вы будете под охраной, так что не будьте настолько глупы, чтобы думать о побеге.

– Не будем, Министр.

– А когда вы вернетесь, я буду ждать от вас добровольного согласия отдать корабль. В противном случае в действие вступит закон, и это будет гораздо хуже для вас, Советник. Понятно?

– Понятно, Министр, – ответил Тревайз, сдерживая гнев. Злиться было в высшей степени бесполезно.

18

Их отвели в маленькую, но хорошо освещенную комнату. Там стояли диван и два стула. Слышалось тихое урчание вентиляции. В целом тут было намного более уютно, чем в грандиозном стерильном кабинете Министра.

Угрюмый высокий охранник сопроводил их сюда, по дороге не убирая руки с приклада бластера. Он остался за дверью, когда они вошли, и грозным голосом напомнил:

— У вас пятнадцать минут.

Как только он это сказал, дверь скользнула по пазам и с глухим стуком захлопнулась.

— Будем надеяться, что нас не подслушивают, — сказал Тревайз.

— Она дала слово, Голан, — упрекнул друга Пелорат.

— Ты судишь о других по себе, Джено. Ее так называемое «слово» не стоит ни гроша. Она нарушит его не задумываясь, если этого пожелает.

— Ну, тогда, — сказала Блисс, — я могу экранировать эту комнату.

— У тебя с собой экранирующее устройство? — изумился Пелорат.

— Разум Геи — экранирующее устройство, Пел, — улыбнулась Блисс, сверкнув белыми зубами. — Это потрясающий разум.

— Мы торчим здесь, — сердито буркнул Тревайз, — из-за тупости этого потрясающего разума.

— Ты о чем? — спросила Блисс.

— После ликвидации противостояния вы стерли меня из памяти и нашего Мэра, и Оператора Второй Академии Гендибала. Никто из них теперь не вспомнит меня, разве только косвенно и абсолютно равнодушно. Я был предоставлен самому себе.

— Мы вынуждены были сделать это, — сказала Блисс. — Ты наш главный козырь.

— Ну-ну. Голан Тревайз, который-никогда-не-ошибается. Но вы не удосужились заодно стереть мой корабль из их памяти, верно? Мэр Бранно не вспомнила обо мне, я ей не интересен, но зато она вспомнила о корабле. Его она не забыла.

Блисс нахмурилась.

— Подумай об этом, — сказал Тревайз. — Гея, вероятно, предположила, что я и мой корабль — нечто единое. Если Бранно не будет думать обо мне, стало быть, она не будет думать и о корабле. Беда и промашка в том, что Гея не представляет себе, что такая индивидуальность. Она считает меня и корабль единственным организмом и жестоко ошибается.

— Это возможно, — тихо сказала Блисс.

— Хорошо. Тогда дело твоей чести исправить эту ошибку, — решительно сказал Тревайз. — Я должен вернуть себе гравилет и компьютер. Этого достаточно. Следовательно, Блисс, устрой все так, чтобы корабль остался у меня. Ты ведь можешь управлять чужим сознанием.

— Да, Тревайз, но мы не так уж легко справляемся с этим. Во время тройного противостояния нам это удалось, но знаешь ли ты, как долго планировалось это противостояние, рассчитывалось, взвешивалось? На это ушли долгие годы. Я не могу просто подойти к женщине и перевернуть ее сознание на чай-то лад.

— Но разве сейчас не время...

Блисс яростно продолжила:

— Знаешь, так можно далеко зайти. Я могла воздействовать на сознание таможенника с орбитальной станции, и он, не раздумывая, разрешил бы нам посадку; могла бы воздействовать на сознание агента, и он позволил бы нам уйти...

— Хорошо, если на то пошло, почему ты этого не сделала?

— Потому что мы не знали, к чему это могло привести. Мы не представляли, какие могут быть последствия. Можно было с тем же успехом все испортить. Если я вмешаюсь в сознание

Министра сейчас, это может оказаться на ее отношениях с теми, с кем она вступит в контакт, а так как она высокопоставленный чиновник в своем правительстве, это может повлиять на межпланетные отношения. До тех пор пока не будем точно знать всех тонкостей, мы не имеем права вмешиваться в ее мысли.

– Тогда зачем ты с нами?

– Затем, что может настать мгновение, когда в опасности окажется твоя жизнь. Тогда я должна буду любой ценой защищать ее, даже ценой жизни Пела или моей. Тебе ничто не грозило на орбитальной станции. Ничто не грозит тебе и сейчас. Ты должен выпутаться сам и поступать так до тех пор, пока Гея не оценит последствий необходимых действий, а оценив, не предпримет их.

Тревайз обдумал сказанное Блесс.

– В таком случае придется постараться. Есть одна задумка. Не знаю, проскочит или нет.

Дверь открылась, уйдя в пазы с таким же шумом, как и тогда, когда закрывалась.

– Выходите, – приказал охранник.

По дороге Пелорат прошептал:

– Что ты задумал, Голан?

Тревайз покачал головой и прошептал в ответ:

– Точно не знаю. Попробую сымпровизировать на ходу.

19

Министр Лайзалор все еще сидела за столом, когда трое путешественников вернулись в ее кабинет. При виде входящих по ее лицу пробежала мрачная ухмылка.

– Надеюсь, Советник Тревайз, вы вернулись, чтобы сообщить мне, что добровольно покидаете корабль Академии.

– Я вернулся, Министр, – спокойно возразил Тревайз, – обсудить условия.

– Какие условия? Какое обсуждение, Советник? Судебное разбирательство, если вы на нем настаиваете, может быть начато очень быстро и проведено еще быстрее. Я гарантирую вам осуждение даже при соблюдении справедливости, так как ваша вина в том, что особа без гражданства проникла на Компореллон, очевидна и неоспорима. Затем мы совершенно легально отберем корабль и вы все трое подвернетесь тяжкому наказанию. Не навлекайте на себя это наказание. Мы ничего, кроме времени, не потеряем, поймите.

– А у меня такое мнение, что нам все-таки есть что обсудить, Министр, потому что независимо от того, как скоро вы осудите нас, вы не сможете захватить корабль без моего согласия. Любая попытка, какую вы предпримете для вторжения на борт без меня, приведет к гибели корабля, а с ним – и всего космопорта, и любого человека, который окажется поблизости. Это наверняка разгневает Академию, как бы вы потом ни выкручивались. Угрозы, принуждение открыть корабль наверняка противоречат вашим законам. И если вы от безысходности нарушите свои собственные законы и подвернете нас пыткам или отправите в тюрьму, Академия узнает об этом и разбушуется еще сильнее. Как бы они ни хотели заполучить корабль, они не могут позволить подобного обращения с гражданином Академии. Так мы обсудим условия?

– Все это чушь, – сердито нахмутившись, процедила сквозь зубы Министр. – Если понадобится, мы можем связаться с Академией. Они должны знать, как открывается их собственный корабль, а если нет, то смогут заставить вас открыть его.

– Вы не произнесли мой титул, Министр, но вы волнуетесь, так что я вас прощаю. Вы отлично понимаете, что последнее, на что вы пойдете, – это не то, чтобы связаться с Академией, потому что у вас нет никакого желания передавать ей корабль.

Лицо Министра посуворело:

– Что за дребедень, Советник?

— Такая дребедень, Министр, которую остальным, возможно, и слушать ни к чему. Позвольте моему другу с дамой устроиться в каком-нибудь уютном отеле и обрести заслуженный после долгого пути отдых, отошли охрану. Они могут остаться снаружи, а вам пусть оставят бластер. Вы не хрупкая женщина и, обладая бластером, сможете не бояться. Я безоружен.

— Я вас и без бластера не боюсь, — заявила Министр, наклонившись к Тревайзу через стол.

Не оборачиваясь, она подозвала одного из охранников. Тот подошел и остановился сбоку от Министра, прищелкнув каблуками. Министр отдала распоряжение:

— Охранник, доставьте эту парочку в номер. Пусть там у них будут все удобства и охрана. Вы несете ответственность за любую несправедливость по их адресу, так же как и за любое нарушение порядка с их стороны.

Министр встала, и, как ни старался Тревайз сохранять самообладание, он не удержался и чуть-чуть отшатнулся. Лайзалор оказалась очень высокого роста, не ниже, по крайней мере, Тревайза, возможно, даже на несколько сантиметров выше. У нее была тонкая талия, а две белых полосы, скрещивающиеся на груди и опускающиеся ниже, охватывая талию, делали ее на вид еще стройнее. Однако в фигуре Лайзалор была какая-то слоновья грация, и у Тревайза мелькнула мысль, что ее утверждение о том, что она его не боится, не лишено справедливости. «Случится подраться, — подумал он, — она без труда положит меня на лопатки».

— Пойдемте со мной, Советник, — сказала она. — Если вы собираетесь и дальше нести чепуху, тогда, как вы верно выражились, чем меньше народа вас услышит, тем лучше.

Она резво зашагала прочь из кабинета. Тревайз последовал за ней, чувствуя себя пигмеем в ее массивной тени — такого он никогда не испытывал прежде с женщиной.

Они вошли в кабину лифта, и, как только дверь закрылась, Лайзалор сказала:

— Мы теперь одни, и, если у вас еще есть иллюзии, Советник, что вы можете помериться со мной силой, дабы чего-либо добиться, рекомендую оставить их. — И немножко мягче добавила: — На вид вы не слабак, Советник, но уверяю вас, мне ничего не стоит сломать вам руку — или хребет, если понадобится. Я вооружена другим, поэтому оружие мне не понадобится.

Тревайз задумчиво потер щеку, оценивающе смерив министершу взглядом.

— Министр, я могу одержать победу в схватке с любым мужчиной моей весовой категории, но с вами я заранее отказываюсь драться. Я не дерусь, когда уверен в проигрыше.

— Вот и славно, — кивнула Министр. Было заметно, что она польщена.

— Куда мы направляемся, Министр, если не секрет?

— Вниз. Довольно глубоко. Однако не переживайте. В гипервизионных драмах героев всегда отводят в темницу, полагаю, но у нас на Компореллоне темниц нет — только обычные тюрьмы. Мы направляемся в мои личные покои. Там не так романтично, как в темнице старых грозных имперских времен, зато гораздо более комфортабельно.

По подсчетам Тревайза, они опустились не меньше чем на пятьдесят метров ниже поверхности планеты, когда дверь остановившейся кабины скользнула в сторону и они вышли из нее.

20

Тревайз с нескрываемым удивлением огляделся по сторонам.

— Вам не нравится у меня, Советник? — спросила Министр.

— Нет, почему же, Министр. Наоборот, я поражен. Я не ожидал ничего подобного. Впечатление, которое я получил от вашего мира за то короткое время, что нахожусь здесь, от того немного, что я видел и слышал, — это мир строгости, умеренности, а уж никак не томной роскоши.

— Так оно и есть, Советник. Наши ресурсы ограничены, и наша жизнь должна быть также сурова, как и наш климат.

– Но все это, Министр… – И Тревайз развел руками, словно пытаясь обнять комнату, где, впервые на этой планете, увидел разные цвета, где на кушетке лежало множество мягких подушек, где от стен струился нежный свет, где устланный коврами пол приглушал звук шагов. – Это же настоящая роскошь.

– Мы отвергаем, как вы верно подметили, Советник, бесполезную роскошь, кичливую роскошь, излишне дорогостоящую роскошь. Тут же роскошь в чистом виде, которая к тому же полезна. Я много работаю и несу большую ответственность. Мне необходимо место, где я могу расслабиться, забыть ненадолго о тяготах, связанных с работой на посту Министра.

– И что же, все компореллонцы живут так же, когда за ними не подсматривают, Министр?

– Все зависит от степени ответственности и важности работы. Немногие могут позволить себе подобное, заслужить такое или в соответствии с нашим моральным кодексом возжелать этого.

– Но вы, Министр, можете позволить и то, и другое, и третье?

– Ранг имеет свои привилегии. – Лайзалор уселась на кушетку, которая заметно прогнулась под ее основательным весом, и указала на мягкий стул, стоявший рядом. – А теперь усаживайтесь, Советник, и откройте мне все ваши безумные мысли.

Тревайз сел и расслабился.

– Безумные, Министр?

– В приватной беседе нет нужды слишком пунктуально соблюдать формальности, – вальяжно промурлыкала министерша, облокотившись о подушку. – Можете называть меня Лайзалор. Я буду называть вас Тревайзом. Скажите мне, что у вас на уме, Тревайз. Давайте выкладывайте.

Тревайз положил ногу на ногу и откинулся на спинку стула.

– Поймите, Лайзалор, вы предоставляете мне выбор: либо согласитесь покинуть корабль добровольно, либо стать подсудимым на официальном процессе. В обоих случаях вы в конце концов завладеете кораблем. Правда, вы убедительно советуете мне склониться к первой альтернативе. Вы готовы предложить мне другой корабль взамен нынешнего, на котором, как вы говорите, друзья и я можем отправиться куда угодно. Можем даже остаться здесь, на Компореллоне, и ходатайствовать о гражданстве, если пожелаем. Что касается не таких ответственных решений… вы охотно позволили мне пятнадцать минут посоветоваться с друзьями. Вы даже привели меня сюда, в ваши личные покои, а мои друзья находятся сейчас, по-видимому, в комфортабельных номерах. Короче, вы подкупаете меня, Лайзалор, и притом откровенно, чтобы гарантировать себе обладание кораблем без необходимости судебного разбирательства.

– Послушайте, Тревайз, вы что, не считаете меня способной на обычные человеческие порывы? Думаете, не они мной движут?

– Представьте, думаю именно так.

– Или сомневаетесь в том, что добровольная капитуляция быстрее и удобнее, чем судебное разбирательство?

– Да! Есть у меня одно подозрение.

– Какое же?

– Суд имеет один недостаток – публичность. Вы несколько раз упоминали добросовестную правовую систему вашего мира, и смею предположить, вам будет затруднительно организовать процесс так, чтобы он не был целиком и полностью записан. А если так, то Академии все станет известно, корабль ускользнет из ваших рук, как только процесс закончится.

– Конечно, – без всякого выражения сказала Лайзалор. – Владелец корабля – Академия.

– С другой стороны, – продолжал Тревайз, – договоренность со мной не должна официально регистрироваться. Вы получите корабль, и, поскольку Академия ничего не узнает, – они ведь даже не ведают, что мы находимся на этой планете, – Компореллон сможет оставить его себе. Уверен, это именно то, что вы собираетесь провернуть.

– Зачем нам это, как вы думаете? – усмехнулась Лайзалор. Она все еще сохраняла беспристрастность. – Разве мы не часть конфедерации Академии?

– Не совсем. Ваш статус – ассоциированный член. На карте Галактики, где миры – члены конфедерации Академии показаны красным, Компореллон и зависимые от него планеты окрашены в бледно-розовый цвет.

– Даже если и так, то, будучи ассоциированным членом, мы призваны верно сотрудничать с Академией.

– Призваны? Разве Компореллон не грезит о полной независимости и о господстве? Вы – древний мир. Почти все миры объявляют себя старше, чем есть на самом деле, но Компореллон-то действительно древний мир.

Министр Лайзалор позволила себе холодную улыбку.

– Старейший, если верить некоторым из наших патриотов.

– Разве не было такого времени, когда Компореллон действительно был во главе пускай и небольшой группы миров? Неужели вы до сих пор не мечтаете о возвращении этого положения и былого могущества?

– Зачем мечтать о несбыточном? Я назвала ваши мысли безумными, когда вы еще рта не раскрыли, и, как вижу, не ошиблась.

– Мечты могут быть несбыточными, но все, так или иначе, о чем-то мечтают. Терминус расположен на самом краю Галактики. Его пятивековая история короче истории любого другого мира. И он правит фактически всей Галактикой. Почему это недоступно Компореллону? А? – Тревайз улыбнулся.

– Терминус достиг такого положения, – не обратив внимания на его улыбку, сказала Лайзалор, – насколько мы понимаем, выполняя План Гэри Селдона.

– План – психологическая опора превосходства Терминуса и продержится скорее всего лишь до тех пор, пока люди верят в План. Возможно, само компореллонское правительство в действительности не верит во все это. Кроме того, Терминус обладает еще одной опорой – техникой. Гегемония Терминуса в Галактике, несомненно, основана на его превосходстве в технике, в качестве образчика которой вы так страстно желаете заполучить мой гравилет. Ни один мир, кроме Терминуса, не располагает гравилетами. Если Компореллон сможет завладеть кораблем и разобраться в принципах его действия, это поможет вам совершить гигантский технологический скачок. Уверен, это не позволит вам уйти из-под власти Терминуса, но ваше правительство, вероятно, надеется именно на это.

– Вы шутите, Тревайз? Любое правительство, захватившее этот корабль, тогда как Академия стремится во что бы то ни стало вернуть его, наверняка навлечет на себя гнев Академии. А история показывает, что Академия в гневе страшна.

– Гнев Академии может вспыхнуть только в том случае, если она знает, из-за чего и на кого ей гневаться.

– В этом случае, Тревайз, если предположить, что предложенный вами анализ – не безумие, разве не выгодно вам передать нам корабль и провернуть тем самым выгодную сделку? Мы хорошо заплатим за то, что все останется в тайне, и обсудим ваши условия.

– А вдруг я возьму да и сообщу обо всем Академии?

– Ни за что. Вы не сможете скрыть свою роль в этом деле.

– Я могу объяснить, что действовал под принуждением.

– Можете. Тем не менее здравый смысл подсказывает вам, что ваш Мэр не поверит ни единому вашему слову. Ну, соглашайтесь же.

– Не могу, мадам Лайзалор, – покачал головой Тревайз. – Корабль мой и должен остаться моим. Как я уже сказал, если вы попытаетесь силой проникнуть внутрь, может произойти мощный взрыв. Уверяю вас, это чистая правда. Не надейтесь на то, что я блефую.

– Вы можете разблокировать корабль и перепрограммировать компьютер.

– Несомненно, но я и не подумаю этого делать.

Лайзалор глубоко вздохнула.

– Вы знаете, что мы можем заставить вас передумать. Поговорим по душам, если не с вами, так с вашими друзьями – доктором Пелоратом и юной леди.

– Пытки, Министр? И это – ваша законность?

– Нет, Советник. Нам нет нужды прибегать к настолько примитивным методам. Всего-навсего психозондирование.

Впервые с момента прихода к Министру Тревайз похолодел. Было чего испугаться.

– Вы и этого не имеете права сделать. Использование психозонда для любых целей, кроме медицинских, считается противозаконным во всей Галактике.

– Но если ситуация продиктует такую необходимость...

– Я готов рискнуть, – сказал Тревайз, – но это не даст вам ровным счетом ничего. Мое стремление сохранить корабль настолько глубоко, что психозонд разрушит мой мозг раньше, чем перестроит его настолько, чтобы я отдал корабль вам. («Это блеф», – подумал он и похолодел сильнее.) И даже если вы будете настолько искусны, что переориентируете, убедите меня, не разрушив моего сознания, и если я разблокирую корабль, разоружу и передам его вам, все равно толку вам от этого не будет. Корабельный компьютер – вещь еще более совершенная, чем сам корабль, и он как-то устроен – я сам точно не знаю как, – чтобы работать с полной отдачей только со мной. Что-то вроде персонального компьютера в буквальном смысле.

– Предположим тогда, что вы передадите нам корабль, но останетесь его пилотом. Согласитесь пилотировать его для нас – как почетный гражданин Компореллона? Высокая оплата. Роскошь в пределах разумного для вас и ваших друзей.

– Нет.

– Что же вы думаете? Что мы дадим возможность вам и вашим друзьям сесть на корабль и покинуть планету? Предупреждаю вас: прежде чем мы позволим сделать это, мы сообщим Академии, что вы были здесь на своем корабле, а они уж пускай дальше сами решают, как с вами быть.

– И потеряете корабль?

– Если уж нам суждено его потерять, то пусть уж лучше он достанется Академии, чем наглому чужаку.

– Тогда позвольте изложить мой собственный вариант.

– Вариант? Хорошо, послушаю. Приступайте.

– Я выполняю важное задание, – тщательно подбирая слова, начал Тревайз. – Оно началось при поддержке Академии. Поддержка исчезла, но миссия не стала от этого менее важной. Предоставьте мне взамен поддержку Компореллона, и, если я добьюсь успеха, Компореллон только выигрывает.

– И ты не вернешь корабль Академии? – с нескрываемым сомнением, неожиданно переходя на «ты», спросила Лайзалор.

– И не собирался. Академия, уверяю вас, не искала бы корабль так рьяно, если бы они не догадывались, что никакого намерения возвращать его у меня нет, а если это и произойдет, то лишь случайно.

– Однако это далеко не то же самое, что твое согласие передать корабль нам.

– Как только я завершу свою миссию, корабль мне больше не понадобится, я не стану возражать – пусть Компореллон забирает его. Все может быть.

Они оба молча некоторое время смотрели друг на друга.

– Вы использовали сослагательное наклонение, – взяла себя в руки Лайзалор. – Что значит «может быть»? Мы не можем считать это обещанием.

– Я мог бы и поклясться, но что толку? Да, мои обещания осторожны и скромны, но как раз в этом залог их искренности.

— Умно, — сказала Лайзалор, кивнув. — Мне нравится. Ну а в чем заключается ваша миссия и какой от нее прок Компореллону?

— Нет, нет, теперь ваша очередь, — покачал указательным пальцем Тревайз. — Поддержите меня, если я докажу вам, что моя миссия важна и для Компореллона?

Министр Лайзалор встала с кушетки и сразу заполнила собой пространство.

— Я голодна, Советник Тревайз. Нет сил говорить на пустой желудок. Давайте перекусим, потом покончим с делами.

Тревайз на краткое мгновение поймал в ее взгляде что-то хищное. Улыбнуться ему удалось с невероятным трудом.

21

Угощение оказалось сытым, но жутко невкусным. Главным блюдом было вареное мясо под горчичным соусом с гарниром из листьев какого-то растения, но какого, Тревайз не смог распознать. Они не понравились ему горько-соленым вкусом. Позднее он узнал, что это какие-то морские водоросли.

Потом были поданы ломтики фруктов, по вкусу напоминавших яблоки с привкусом персика (довольно вкусные), и горячий темный напиток, настолько горький, что Тревайз осилил только половину и спросил, нельзя ли ему выпить просто холодной воды. Все порции оказались небольшими, но сейчас Тревайзу было не до сытости.

Обед проходил в интимной обстановке, без прислуги. Министр собственноручно разогрела еду, сервировала стол и сама убрала тарелки и приборы.

— Надеюсь, вам понравилось, — сказала Лайзалор, когда они покинули столовую.

— Очень вкусно, — отозвался Тревайз без всякого энтузиазма.

Министр снова устроилась на кушетке.

— Вернемся к нашему прерванному разговору. Вы сказали, что Компореллон может возмутиться тем, что Академия лидирует в технике и владычествует в Галактике. В общем-то все так, но это может интересовать только тех, кого интересует межзвездная политика, а таких сравнительно мало. Что гораздо более важно, так это то, что среднего компореллонца приводит в ужас безнравственность, царящая в Академии. Безнравственность сейчас процветает в большинстве миров, но на Терминусе — это уж слишком. Я бы сказала, что любые антирелигиозные настроения, существующие в нашем мире, проис текают скорее из этого, чем из каких-либо абстрактных материй.

— Безнравственность? — удивленно сказал Тревайз. — Какие бы ошибки Академии вы ни имели в виду, она управляет своей частью Галактики добросовестно, успешно и согласно законам. Гражданские права в целом не нарушаются и...

— Советник Тревайз, я говорю о сексуальной нравственности.

— В таком случае я понимаю вас еще меньше. В сексуальном плане мы абсолютно нравственное общество. Женщины у нас полноценно представлены во всех сферах общественной жизни. Наш Мэр — женщина, и Совет почти наполовину состоит из...

По лицу Министра проскользнула раздраженная гримаса.

— Советник, вы смеетесь надо мной? Наверняка вы знаете, что означает сексуальная нравственность. Является ли брак таинством на Терминусе?

— Что вы подразумеваете под таинством?

— Существует ли официальная церемония бракосочетания?

— Конечно, если люди хотят этого. Такая церемония упрощает денежные и наследственные проблемы.

— Но разводы имеют место?

— Конечно. Безнравственно связывать людей друг с другом, если...

– Разве не существует религиозных ограничений?

– Религиозных? Некоторые разводят философию вокруг древних культов, но что общего это может иметь с браком?

– Советник, здесь, в Компореллоне, каждый аспект секса строго контролируется. Никакого секса вне брака. Его внешние проявления ограничены даже в браке. Нас просто шокируют те миры – и Терминус в особенности, – где секс, по-видимому, рассматривается больше как публичное наслаждение. Причем вам не особенно важно, где, как и с кем предаваться удовольствию без оглядки на религиозные ценности.

– Простите, – пожал плечами Тревайз, – но при всем желании я не могу учинить реформу в масштабе Галактики или даже Терминуса – и потом, какое отношение все это имеет к вопросу о моем корабле?

– К вопросу о вашем корабле имеет отношение общественное мнение, и оно ограничивает мои возможности свести дело к компромиссу. Граждане Компореллона ужаснутся, если узнают, что ты взял на борт молодую привлекательную женщину для удовлетворения похотливых желаний, твоих и твоего спутника. И именно в интересах безопасности всех вас я настаиваю на том, чтобы ты предпочел мирную капитуляцию открытому судебному процессу, – взъярилась Лайзалор.

– Как я понимаю, вы использовали обед, чтобы прибегнуть к угрозам после угождения... Что? Опасаться суда Линча?

– Я всего-навсего описала возможные опасности. Будете ли вы отрицать, что женщина, приглашенная вами на борт корабля, взята с какой-либо иной целью?

– Конечно, буду, могу опровергнуть это. Блисс – подруга моего друга доктора Пелората. Кроме нее, у него никого нет. Может быть, по вашим законам, их связь браком не является, но я уверен, что, по мнению Пелората и Блисс, они женаты на все сто.

– Хотите сказать, что не имеете с ней никаких отношений?

– Конечно, нет, – выпалил Тревайз. – За кого вы меня принимаете?

– Трудно сказать. Я не знаю, каковы ваши понятия о нравственности.

– Тогда позвольте объяснить, что мои понятия о нравственности диктуют мне непозволительность покушения на любую собственность моего друга – в частности, на его подружку.

– Вы даже не испытываете такого искушения?

– Искушение искушением, но соблазнить меня невозможно.

– Совсем невозможно? А, наверное, вас не интересуют женщины.

– Ну что вы! Очень даже интересуют.

– Сколько времени прошло с тех пор, как вы были близки с женщиной?

– Несколько месяцев. Этого не было с тех пор, как я покинул Терминус.

– Наверняка это вас не радует.

– Еще бы, – с чувством воскликнул Тревайз, – но ситуация такова, что у меня нет выбора.

– Наверняка ваш друг Пелорат, заметив ваши страдания, был бы рад поделиться с вами своей женщиной.

– Я ему про свои мучения не докладывал, но, если бы и так, он не захотел бы делить со мной Блисс. И она, я думаю, не согласилась бы. Я ей не нравлюсь.

– Вы это говорите потому, что уже пытались проверить на практике?

– Не пытался. Мне не нужна проверка на практике. Да и она мне не особенно нравится.

– Удивительно! Она хороша собой и должна привлекать внимание мужчин.

– Внешне она на самом деле привлекательна. Но во мне она никаких порывов не будит.

Может быть, из-за того, что слишком юна, в некотором смысле еще совсем ребенок.

– Значит, вы предпочитаете зрелых женщин?

Тревайз замолк. Ловушка?

— Мне попадались и зрелые женщины — я ведь и сам не мальчик, — уклончиво ответил он. — А какое отношение это имеет к моему кораблю?

— Да забудьте вы про свой корабль хоть ненадолго! Мне сорок шесть лет, и я не замужем. Я все время была слишком занята, чтобы выйти замуж.

— В таком случае, по компореллонским правилам, вы должны были всю вашу жизнь посвятить воздержанию. Поэтому вы спрашивали, когда я последний раз был близок с женщиной? Хотели моего совета? Если так, я скажу, что это не еда и не вода. Это неприятно — обходиться без секса, но возможно.

Министр улыбнулась, и снова в ее взгляде мелькнуло что-то хищное.

— Зря вы так думаете обо мне, Тревайз. У каждого ранга — свои привилегии, особенно если вести себя осмотрительно. Я не так уж целомудрена. Тем не менее компореллонские мужчины не удовлетворяют меня. Я согласна с тем, что нравственность — абсолютное благо, но мужчины из-за своих понятий чувствуют себя виноватыми и в постели трусливы и неизобретательны. Долго раскачиваются, а потом спешат — словом, не мастера.

— Но я-то что могу с этим поделать? — исключительно осторожно спросил Тревайз.

— Хочешь сказать, — снова резко перешла на «ты» Лайзалор, — что это моя вина? Что я непривлекательна?

Тревайз протестующе поднял руку.

— Я вовсе не это хотел сказать!

— Ну а как бы ты себя повел, представься тебе случай? Ты — мужчина из безнравственного мира, который, должно быть, имел богатую сексуальную практику и вдобавок перенес несколько месяцев вынужденного воздержания в присутствии юной очаровательной женщины. Как бы ты повел себя с такой женщиной, как я, зрелой, которые, как ты сам признался, тебе по вкусу?

— Я вел бы себя с уважением и благопристойностью, приличествующей вашему высокому положению.

— Не дури! — прошептала Министр. Ее левая рука скользнула направо, к талии. Белая полоска вокруг нее ослабла и спала с груди и шеи. Черная ткань платья обвисла свободными складками.

Тревайз застыл. Было ли это у нее на уме... и с каких пор? Или это была взятка, чтобы добиться того, чего она не смогла добиться угрозами?

Платье соскользнуло с плеч Лайзалор. Ее груди оказались такими же, как она сама, — массивными, упругими, могучими.

— Ну? — сказала она.

— Великолепно! — совершенно откровенно восхитился Тревайз.

— И что же ты будешь делать?

— А как же моральный кодекс Компореллона, мадам Лайзалор?

— Что до него мужчине с Терминуса? Каков *твой* моральный кодекс? Не тяни. Моя грудь холодна и жаждет тепла.

Тревайз встал и начал раздеваться.

Глава 6 Природа Земли

22

Тревайз, объятый чувством, похожим на наркотический дурман, гадал, сколько же прошло времени.

Рядом с ним лежала Мица Лайзалор, Министр Транспорта, на животе, повернув голову набок, с открытым ртом и громко храпела. Тревайз с облегчением понял, что она спит, и как только проснется, надеялся он, поймет, что спала.

Тревайз хотел еще поспать, но понимал, как важно отказаться от этого удовольствия. Проснувшись, она не должна увидеть его спящим. Мица должна поверить, что, когда она погрузилась в бессознательный транс, он еще бодрствовал. Ей и следовало ожидать такой прыти от терминусского распутника, и, пожалуй, лучше ее не разочаровывать.

Между прочим, он был на высоте. Он верно угадал, что Лайзалор, обладающая такими формами и силой и политической властью, презирающая компореллонских мужчин, с которыми ей случалось быть в связи, и в то же время завороженная кошмарными историями (что же она слышала? – недоумевал Тревайз) о сексуальных подвигах развратников с Терминуса, будет стремиться доминировать. Скорее всего она этого и ждала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.